С. М. ПЕТРОВ

БОРЬБА С ДУТОВЩИНОЙ

ОГИЗ ЧЕЛЯБГИЗ
ЧЕЛЯБИНСК
1937

ИСТПАРТ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

С. М. ПЕТРОВ

БОРЬБА С ДУТОВЩИНОЙ

(Первый этап, 1917 год — январь 1918 года)

19 37

ЧЕЛЯБИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
66	2 сверху	в советской власти	советской власти
70	7 „	путанным	путаным
82	8 „	сталинской Конституции	Сталинской Конституции

С. М. Петров

...аботы, в
...х герои-
...с дутов-

...автора
...общего
...ы на за-

...качестве
...и другие
...русской
...ньшеви-

...ровских
...отрядам

Дутова. Позднее, когда Дутову удалось захватить Оренбург, меньшевики и эсеры, принимая активное участие в вооруженных боях с советскими войсками, зверски расправлялись с большевиками и рабочими.

В работе показано, что борьбой с дутовщиной, как и всей борьбой с белогвардейской сворой и интервентами, руководили вдохновители и организаторы Октябрьской социалистической революции—вожди партии большевиков—Ленин и Сталин.

Лучшие большевики, испытанные революционеры тт. Блюхер, Цвиллинг, Н. Каширин, Кобозев и другие были посланы в это время на борьбу с Дутовым и непосредственно возглавляли ее.

К.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является первой частью исторической работы, в которой освещаются события, относящиеся к одному из первых героических этапов гражданской войны на Южном Урале — борьбе с дутовщиной.

Во всей работе красной нитью проходит основная мысль автора о том, что наступление Дутова являлось одним из звеньев общего контрреволюционного наступления русской буржуазии и Антанты на завоевания Октябрьской социалистической революции.

Выступая против победившей пролетарской революции в качестве руководителя казацкого офицерства и кулачества, Дутов, как и другие „вожди“ белогвардейщины, опирался на помощь со стороны русской и иностранной буржуазии и на поддержку организаций меньшевиков и эсеров.

На Южном Урале предательская роль меньшевистских и эсеровских организаций началась с открытой помощи контрреволюционным отрядам Дутова. Позднее, когда Дутову удалось захватить Оренбург, меньшевики и эсеры, принимая активное участие в вооруженных боях с советскими войсками, зверски расправлялись с большевиками и рабочими.

В работе показано, что борьбой с дутовщиной, как и всей борьбой с белогвардейской сворой и интервентами, руководили вдохновители и организаторы Октябрьской социалистической революции—вожди партии большевиков—Ленин и Сталин.

Лучшие большевики, испытанные революционеры тт. Блюхер, Цвиллинг, Н. Каширин, Кобозев и другие были посланы в это время на борьбу с Дутовым и непосредственно возглавляли ее.

Пролетарии уральских заводов с первых дней Октябрьской социалистической революции составляли костяк тех боевых красногвардейских отрядов, которые пополнялись революционными элементами крестьянства, бедняцким казачеством и солдатами, возвратившимися с фронта.

Материалами для книги послужили архивы Челябинского, Свердловского и Оренбургского истпартов, архивы Красной армии, рукописи лиц, принимавших то или иное участие в борьбе с Дутовым, и печатные источники.

Отдел истории партии Челябинского обкома ВКП(б)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ ДУТОВЩИНЫ

Товарищ Сталин, разъясняя причины «окраинного» положения контрреволюции, писал:

«...Еще в начале Октябрьского переворота наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским,— превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом, южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на Востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны,— превратились в базу контрреволюции.

Не трудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил России нет ничего неестественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и органи-

зованное в военное сословие — казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?

Разве не ясно, что никакого другого... «географического распределения» и не могло быть?»[1]

Эти положения товарища Сталина о «географическом распределении» между революцией и контрреволюцией получили свое блестящее подтверждение на примере контрреволюционного выступления казацкого атамана Дутова.

Ареной контрреволюционного выступления царского полковника Дутова явилась б. Оренбургская губерния. Она была одной из «окраинных» губерний, с слабо развитой промышленностью и немногочисленным пролетариатом, с большим процентом в составе населения угнетенных националов — киргиз-казахов и башкир — и с значительной концентрацией контрреволюционных сил: верхи казачества «Оренбургского казачьего войска» и местная буржуазия.

Центральной базой выступления Дутова был г. Оренбург. Перед Октябрьской социалистической революцией Оренбург имел крепкий белогвардейский кулак. В городе находилось два кадетских корпуса, юнкерское училище, школа прапорщиков, заблаговременно были стянуты верные Дутову казачьи части, концентрировалось бегущее из революционных центров офицерство. Но если офицерство, юнкера и кадеты были основным костяком дутовского выступления, то его массовой базой явилось оренбургское казачество (в составе 3 отделов — оренбургского, верхнеуральского и троицкого).

Оренбургское казачье войско было организовано в 1755 г. оренбургским губернатором Неплюевым по приказу царского правительства.

На войско возлагалась задача военной колонизации юго-восточной окраины Российского государства в интересах завоевания земель Средней Азии и защиты юго-восточной границы от киргиз и башкир. По мере выполнения этой задачи — разгрома огнем и мечом «непокорных инородцев» и подчинения их российскому царизму, оренбургские казаки начи-

---

[1] Сталин, К военному положению на Юге, „Правда" № 293 от 28 декабря 1919 г.

нали помимо своей военной службы, все в большей степени заниматься сельским хозяйством.

Казачество для царизма было опорой не только в борьбе с «инородцами», но и с революционным движением внутри России — среди русского населения.

Царизм попытался поставить казачество в такие привилегированные условия, которые обособляли бы казацкое сословие от прочего населения края, противопоставляли бы его последнему как мощную, зажиточную, контрреволюционную силу.

В этих целях царизм за счет беззастенчивого грабежа завоеванных народов щедро наделил казаков землей.

Как указывал X съезд РКП(б) в своей резолюции по докладу тов. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»:

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)».

Выступая в качестве колонизаторов, в качестве орудия российского царизма, российского военно-феодального империализма, казаки захватывали наиболее плодоносные и пригодные для ведения сельского хозяйства земли.

Они оттесняли киргиз, башкир и татар в засушливые, безводные степи.

Всем этим зажиточное казачество становилось по отношению к неполноправным «инородцам» — киргизам, башкирам и татарам и по отношению к «иногородным» т. е. русским переселенцам-крестьянам, в положение привилегированного военного сословия колонизаторов, угнетателей и эксплоататоров.

Об этом говорят цифры распределения надельных земель в Оренбургской губернии. К 1905 г. у бывших владельческих крестьян земельный надел в среднем выражался в 6,6 десятины на двор, у бывших государственных кре-

стьян — 24,3 дес., у башкир—44 дес. (главным образом — пастбища), а у казаков в среднем приходилось на двор 67,4 десятины.

Такое привилегированное положение казаков в основном сохранилось и к моменту Октябрьской революции.

К 1917 г. в северном крестьянском районе Оренбургской губернии, населенном 264116 жителями, средняя землеобеспеченность населения выражалась в 2,85 десятины удобной земли на едока. В казачьем же районе с 164439 жителями в среднем на едока падало 9,4 дес. удобной земли, т. е. больше чем втрое того количества земли, которое было у крестьян[1].

Значительная часть казаков пользовалась наемным трудом «иногородных» крестьян-переселенцев или же сдавала им землю в аренду на кабальных условиях. Уже к 1913 г. в казацкой среде весьма было распространено применение сельскохозяйственных машин. Как сообщал войсковой агроном, на каждые 2—3 казацких хозяйства в среднем приходилась одна жнейка. Казаки имели 1702 сеялки и 4008 веялок.

На примере оренбургского казачества оправдываются слова Ленина, что казачество — это «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»[2].

Все это объясняет причины той «верноподданической» позиции по отношению к царизму, которая характерна для оренбургского казачества в дореволюционный период. В этом же, т. е. в привилегированном положении казачества, в преобладании в его среде кулацко-зажиточных групп, коренилась и причина контрреволюционной позиции казачества в период социалистической Октябрьской революции, когда оренбургские казаки выступили с активной поддержкой буржуазно-помещичьей контрреволюции. Зажиточное казачество боялось потерять свое привилегированное положение, по-

---

[1] Оренбургское отделение Средн.-Волжск. краев. арх. упр., опись № 1287, дело 187, стр. 151—153.

[2] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 204.

этому оно попыталось с оружием в руках выступить против пролетарской революции в России, стремясь увлечь за собой всю массу казачества. Слова Ленина в отношении донского казачества, что «здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»[1] должны быть отнесены и по адресу Оренбургского казачьего войска.

Однако ни в коем случае не следует забывать, что казачество так же, как и все остальное население России, будучи втянуто в общий капиталистический товарооборот страны, неизбежно расслаивалось, диференцировалось. С одной стороны, все в большей степени выделялась кулацкая верхушка казачества, ведущая мощное сельское хозяйство, а с другой стороны, появлялась и казацкая беднота и малоимущее казачество, хозяйство которых падало и разорялось.

Из материалов военно-конской переписи 1912 г. видно, что в среде оренбургских казаков было 12,9 проц. безлошадных хозяйств. А по условиям военной службы каждый казак обязан был иметь своего строевого коня к моменту призыва. Если у него этого коня не было, то конь ему давался в долг от «общества», от станицы или поселка на кабальных условиях последующей отработки стоимости коня, по возврату с военной службы.

Следовательно, эти 12,9 проц. безлошадных казацких хозяйств, конечно, были хозяйствами бедняцкими.

Количество же беспосевных казацких хозяйств (включая и безлошадных) было еще большим. Еще к 1902 г. таких было от 10 до 13 проц., а их количество быстро росло.

За годы империалистической войны, в связи с отвлечением в армию рабочих рук, разорение малоимущих казачьих хозяйств несомненно прогрессировало, и количество казацкой бедноты, закабаленной кулаками, возрастало. Это означало, что в казацкой среде уже имелись элементы, недовольные засильем кулацко-зажиточной верхушки, элементы, по своему классовому положению способные к революционизированию под влиянием развертывающихся революционных событий и продолжающейся империалистиче-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 204.

ской бойни. Казацкая беднота и малоимущие казаки явились базой распространения большевистского влияния в казацкой среде. Они были основным массивом, из которого комплектовались группы «трудового казачества».

К октябрю 1917 г. решающим в казацкой среде еще оставалось влияние офицерско-кулацких групп. Последние стремились в своих контрреволюционных целях сохранить ту обособленность, кастовость и «свободные» привилегии казаков, наличие которых способствовало созданию видимости общих интересов казачества в целом и отгораживало тем самым казацкую массу от «гражданского» населения. Главная задача контрреволюционеров, стоявших в это время во главе Оренбургского казачьего войска, и заключалась в том, чтобы не допустить развертывания классовой борьбы в казацкой среде. Они хотели разговорами об «общих» интересах казачества, противопоставлением этих «общих» казачьих интересов интересам революционной трудящейся массы России затушевать ту классовую рознь, ту классовую пропасть, которая уже была между кулацко-зажиточными и бедняцкими группами казачества. Именно в эту сторону с первых же дней революции направлялась работа контрреволюционных вождей казачества.

Общее собрание офицеров, казаков и казачек 3-го отдела в Троицке в числе 600 чел.[1], созванное в первых числах марта 1917 г., на ряду с решениями о поддержке временного правительства, выносит постановление об организации (отдельного от гражданского) казачьего войскового народного самоуправления на выборных началах «для полного объединения всего казачьего населения» и о созыве войскового круга. Характерно, что, на ряду с этим, собрание ни слова не говорит о своем отношении к советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Временное правительство, конечно, поспешило пойти навстречу требованиям контрреволюционных слоев казачества о воссоздании войскового круга. Оно было заинтересовано в воссоздании этой организации, противопоставляющей

---

[1] Уралпартархив, д. № 51, „Дутовщина на Урале", стр. 75—76.

казацкую массу остальному трудящемуся населению. И 26 апреля 1917 г. в Оренбурге, под руководством офицерско-кулацких групп, созывается общевойсковой круг Оренбургского казачьего войска. Он шлет приветственную телеграмму министрам временного правительства Львову, Гучкову. Его постановления идут по тому же пути сохранения кастовости и привилегий казачества. Так круг высказывается за создание самостоятельной области Оренбургского казачьего войска[1], отграничивая тем самым казачество в замкнутое военное сословие. Территория области, земли, горные богатства, недра, минеральные и рыболовные воды войсковым кругом были объявлены достоянием лишь войскового казачьего населения. По мнению круга, должно быть создано самостоятельное войсковое горное управление. Должны быть возвращены «войску»: гора Магнитная (сейчас территория Магнитогорска), участки немецких колонистов, расположенные на земле войска, и «излишки» офицерских участков, проданные с.-х. товариществам и крестьянским обществам. Круг резко подчеркивает свое стремление к сохранению сословных привилегий казачества, заявляя: «земельным наделом должны пользоваться лишь лица войскового сословия», «казачки, вышедшие замуж за иногороднего, теряют право на землю».

Еще более ярко попытки сохранить обособленность казачества, как контрреволюционной силы, видны в программе «общеказачьей демократической партии», имевшей свой руководящий центр в г. Троицке. На ряду с заявлением, что партия отстаивает создание «демократической республики, с пропорциональным представительством всех народов России», программа этой партии заявляет, что к «числу наций, обладающих представительством, должны быть отнесены также и казачьи войска, как исторически-обособленные единицы, с отличным от окрестного населения экономическим бытом и ясными чертами своеобразной государственности»[2]. Под лозунгом «казачество — особая нация» развертывалась дея-

---

[1] Уралпартархив, д. № 51, „Дутовщина на Урале", стр. 75—76.
[2] Там же, программа общеказачьей демократической партии

тельность этой контрреволюционной партии. В своем стремлении отгородить казаков от остального населения эта партия выступает даже против подчинения казачьего войска общим государственным законам страны. Программа казачьей партии заявляет, что войсковой круг «имеет право изменять, упразднять и переиздавать любой закон», т. е. требует изъятия казачьей области из подчиненности общим законам государства.

Та же тенденция к сохранению кастовости казачества сказывается и в разрешении вопроса о военной службе казаков. «Общеказачья» демократическая партия высказывалась за «сохранение казачьих полков постаничного состава и с офицерским составом, комплектуемым из казаков». На территории казачьих войск... «не должно быть гарнизонов не казачьего состава».

Соответственно «разрешался» этой партией и земельный вопрос: «земли, леса, недра, рыболовные воды... как историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую собственность... казачьего войска», «все частновладельческие, государственные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли как выделенные из казачьей территории, так и расположенные на ней должны возвратиться в собственность... казачьего войска». «Общеказачья» партия явно стремилась и в земельном вопросе противопоставить интересы казачества интересам «иногородных», т. е. интересам крестьянства, в первую голову. Выдвигая иллюзию «общеказачьих» интересов, эта партия стремилась сохранить руководящее влияние кулацко-зажиточных, контрреволюционных элементов казачества в общей казачьей массе.

Но такая «общеказачья», а на деле офицерская, белогвардейская, кулацкая партия могла иметь лишь временный и относительный успех. Раскол в казачьей среде на эксплоатируемых и эксплоататоров был уже настолько значительным, что никакими «общеказачьими» лозунгами его прикрыть было нельзя. Казачество раскалывалось на два лагеря. Старые станичники, имевшие за плечами не мало лет службы «верой и правдой» царскому правительству, поддаваясь кулацко-офицерской агитации, поддерживали контрреволюционные постановления войскового круга и «обще-

казачью партию». Основная же масса рядовых казаков, фронтовиков, т. е. казацкая беднота, сплошь молодежь, живя и общаясь с солдатской массой, постепенно начинала все в большей и в большей степени проникаться большевистскими настроениями.

В период контрреволюционного выступления генерала Корнилова, В. И. Ленин писал о позиции донского казачества:

«Объективных данных о том, как разные слои и разные хозяйственные группы казачества относятся к демократии и к корниловщине, не имеется. Есть только указания на то, что большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское»[1].

Такое же расслоение в политической позиции казачества можно заметить и в среде Оренбургского казачьего войска.

Большевики с первых же дней революции пытались развернуть работу по привлечению казацкой бедноты на сторону пролетарской революции. Тов. Сыромолотов, который был секретарем Троицкого комитета партии большевиков в 1918 г., говорит, что «и в Троицке и уезде нами была распропагандирована значительная группа казаков, главным образом фронтовиков».

О такой же попытке вести работу среди казаков рассказывает и тов. Васенко, активный работник челябинской парторганизации в 1917 г.[2] Но большевистская работа в казачьей среде встречалась с значительными трудностями. Казацкое начальство принимало самые крутые меры, чтобы не допустить развертывания большевисткой агитации в казацкой среде. Издавались специальные приказы по станицам и поселкам: «гнать каких бы то ни было агитаторов и «разъяснителей», не имеющих полномочий войскового начальства».

Уже сентябрьский войсковой круг постановил: «в казачьих частях и учреждениях не допускать вредной агитации со стороны не-казаков».

---

[1] Ленин., Соч., т. XXI, стр. 204.
[2] Газета „Уральский рабочий“ № 42 за 1917 г.

Повсеместно при войсковых управлениях были созданы, наподобие царской «охранки», особые отделения. На них были возложены задачи вести все дела по сыску на казаков, «инакомыслящих», замеченных в тех или иных революционных деяниях.

Значительную роль в революционизировании массы бедноты Оренбургского казачьего войска сыграла семья большевиков Кашириных.

Под руководством подъесаула 10-го оренбургского казачьего полка Каширина, находившегося в то время на фронте и избранного казачеством председателем дивизионного комитета 1-й оренбургской казачьей дивизии, была начата революционная агитация по казачьим станицам. С фронта, из дивизии, в Верхнеуральский и Троицкий округа в станицы были посланы большевистски настроенные агитаторы-казаки, проинструктированные тов. Кашириным[1]. Они по станицам развернули борьбу за сколачивание революционных элементов казачества, за организацию групп трудового казачества. Такие же группы были созданы и в строевых казачьих частях на фронте. В центр же казачества — в Оренбург — для развертывания революционной работы дивизионным комитетом в мае 1917 г. был командирован сам тов. Каширин. С первых же шагов работы ему пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением руководящей офицерской казацкой верхушки. Написанная тов. Кашириным для газеты «Казачий вестник» статья «На переломе», поднимающая вопрос об отсутствии «единого» казачества и о наличии классового раскола в его среде, редакцией газеты принята не была. Его же попытка выступить с большевистской речью на казачьем собрании в Оренбурге по докладу Дутова, вследствие засилья на этом собрании кулацко-зажиточных элементов казачества и офицеров, кончилась тем, что он был стащен с трибуны.

Все же Каширину удалось полулегально сколотить в Оренбурге группу трудового казачества в 20—30 человек.

---

[1] Уралпартархив, стенограмма воспоминаний Каширина.

Развернуть же легальную большевистскую работу ему в этот момент не пришлось, т. к. из-за преследований со стороны контрреволюционных руководящих оренбургских групп казачества он должен был выехать обратно на фронт, в дивизию.

Большевистская пропаганда в 1-й оренбургской казачьей дивизии встревожила белогвардейское командование. Последнее попыталось разоружить дивизию с тем, чтобы ее, как разложившуюся воинскую часть, расформировать. Но под руководством тов. Каширина дивизия отказалась разоружиться. Тогда командование разбросало дивизию мелкими частями по фронту. Распоряжением главковерха, согласованным с оренбургским войсковым кругом, тов. Каширин был арестован по обвинению в «разлагающей большевистской пропаганде» и отправлен в Оренбург для суда на собравшемся в сентябре войсковом круге. Но замысел контрреволюционеров, пытавшихся такими методами бороться с большевизмом, не удался. В оренбургском войсковом круге уже к этому моменту существовала неоформленная фракция трудового казачества. В результате войсковой круг, судивший тов. Каширина, раскололся. Нужного большинства голосов для осуждения Каширина не составилось, и он был выпущен.

В дальнейшем работа групп трудового казачества расширяется и их влияние в казацкой среде растет. Эти группы явились зародышем тех красных казачьих частей, которые впоследствии, под руководством большевиков, приняли активнейшее участие в окончательном разгроме дутовщины и колчаковщины.

На ряду с организацией групп трудового казачества, большевики развертывают работу по организации казачьих советов в станицах. Так, в сентябре в поселке Фурштадт, в Верхнеуральске, был организован Совет крестьянских и казачьих депутатов. Однако работа большевиков в казачьей среде лишь начинала развертываться, и в этот период руководящее влияние среди казачества имели контрреволюционные офицерско-кулацкие элементы, возглавляемые Дутовым. Поэтому неверным является заявление тов. Вла-

димировой, что, якобы, «так и на Дону, борьбу (с Дутовым — С. П.) решило само местное казачество»[1].

Такая формулировка, переоценивая роль революционных элементов в казацкой среде, недооценивает решающую роль рабочих красногвардейских отрядов в борьбе с казацкой контрреволюцией в этот период.

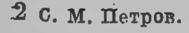
[1] Владимирова, Год службы „социалистов“ капиталистам, стр. 157.

«ПЛАН» ДУТОВА

Выступление казачьего полковника Дутова, избранного войсковым кругом Оренбургского казачьего войска войсковым атаманом, является одним из звеньев общего контрреволюционного плана российской и антантовской буржуазии. Последняя пыталась, тотчас же после победы Октябрьской социалистической революции, задушить советскую власть. Она хотела восстановить господство буржуазии в России с тем, чтобы вновь бросить трудящиеся массы в империалистическую бойню, сорвав перемирие с Германией. Эти планы «союзников» были вскрыты В. И. Лениным, который в своем выступлении на IV конференции профессиональных союзов указывал: «...чехо-словаки говорили в Самаре: мы соединимся вместе с Дутовым, Семеновым и заставим рабочих России и российский народ воевать снова против Германии вместе с Англией и Францией, восстановим те же самые тайные договоры и бросим вас, еще, может быть, на четыре года, в эту империалистическую войну в союзе с буржуазией»[1].

Дутов, будучи председателем Совета всероссийского союза казачьих войск — этой одной из главнейших контрреволюционных опор временного правительства, — с самого начала Февральской революции, задолго до Октября, начинает мобилизовать контрреволюционные силы. Свою контрреволюционную деятельность он развертывает под флагом сохранения союза с Англией и продолжения капиталистической бойни.

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 95.

В своих выступлениях Дутов неоднократно ссылался на заявления послов «Антанты» во время контрреволюционного московского государственного совещания, что «союзники не бросят России до тех пор, пока казаки не бросят идеи спасения родины».

Это заявление антантовских представителей было руководящим для Дутова. По его предложению сентябрьским войсковым чрезвычайным кругом было принято решение, что «война должна вестись в согласии с союзниками с неослабным рвением победить врага»[1]. И Дутов старается изобразить деятельность большевиков как... деятельность немецких шпионов. Он выступает с статьей «Германский шпионаж», в которой нагло обвиняет Ленина, большевиков в шпионаже в пользу Германии.

На ряду с этим, Дутов демонстративно подчеркивает свою верность «союзникам».

На сентябрьских заседаниях войскового круга присутствовал англичанин, корреспондент трех английских газет Филиппс Прайс. Официально его пригласили на круг как «почетного гостя», фактически же, очевидно, он прибыл с более конкретными поручениями от «союзников» для установления связи с Дутовым и для разработки согласованного с союзниками плана удушения растущего революционного движения.

В лице этого корреспондента круг, как сообщали газеты, «восторженно» приветствовал «союзницу по борьбе с немцами — Англию».

В момент появления англичанина председатель круга, быстро вскакивая со стула, громогласно провозгласил: «прошу приветствовать находящегося здесь полномочного представителя короля Англии, императора Индии».

И весь круг почтительно встал и несколько минут подобострастно аплодировал представителю... «короля» и «императора»[2].

Подобострастие дутовцев по отношению к представителю Англии объяснялось, конечно, тем, что Дутов рассчитывал, по выражению В. И. Ленина, «погреться» около англо-французского золота и был готов пойти на распродажу России,

[1] „Оренбургский казачий вестник" № 41 за 1917 г.
[2] „Уральский рабочий" № 53 от 5 декабря 1917 г.

на превращение ее в колонию англо-французского капитала, лишь бы спасти власть помещиков и буржуазии.

Программа Дутова — программа реставрации не только старых, дореволюционных условий капиталистической эксплоатации, но и реставрации монархизма в России. Если в своих декларациях войсковой круг Оренбургского казачьего войска высказывался за демократическую республику, то эти высказывания были лишь ширмой, скрывающей истинные контрреволюционные вожделения дутовщины, лишь данью мощному революционному движению трудящихся масс. Фактически же Дутов, возглавивший круг, мечтая о восстановлении монархии, заявлял: «Мы не с демократией, не с аристократией, не с той или иной партией, мы казаки — сами единая партия. И мы с теми, кто любит родину. Пора, станичники, пора спасать родину, как спасали ее казаки триста лет тому назад» (выступление Дутова на войсковом круге 20 сентября 1917 г.).

Упоминание о «спасении» родины, «как это было триста лет тому назад», когда была установлена монархия Романовых, нельзя считать случайным. Оно, безусловно, вскрывает истинные монархические вожделения Дутова. Об этом же говорит фактическая поддержка Дутовым контрреволюционного выступления генерала Корнилова, во время которого Дутов отказался осудить монархиста-генерала, назвав его, Корнилова, в открытом письме Керенскому «боевым сыном казачества». Характерно, что эта контрреволюционная позиция Дутова была целиком одобрена войсковым кругом.

Видя все более возрастающее влияние большевиков в России и желая создать казацкий базис, как плацдарм для контрреволюционных выступлений, Дутов начинает развертывать сепаратистские планы отделения казачьих областей, выделения их в особую «федеративную республику».

«Нам нужно устроить свою казачью федеративную республику, — говорит Дутов на сентябрьском заседании оренбургского войскового круга, — мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские. Россия — больной, разлагающийся организм; из опасения заразы мы дол-

жны спасать свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается,— пусть гибнет»[1].

Таков именно был «патриотизм» Дутова. Он готов был согласиться на гибель России, лишь бы уберечь от большевистской «заразы» казачью область, как базу контрреволюции. И войсковой круг, находившийся под влиянием Дутова, 27 сентября принимает решение об организации совместно с донским, терским и кубанским казачьими войсками особой федеративной единицы — «казачьей общины». На этом же заседании «кругом» было вынесено решение о выделении территории Оренбургского войска в самостоятельную административную единицу, т. е. об образовании самостоятельной казачьей области.

«С первых же дней появления советского правительства,— пишет товарищ Сталин,— Антанта... проводила план экономического окружения центральной России путем отрыва от нее наиболее важных окраин»[2].

Дутов был одним из главных исполнителей этого плана. Он, находясь в Оренбурге, был на стыке путей между Европейской Россией, Сибирью и Средней Азией.

В его задачу входило отрезать от революционных центров России богатые хлебом, мясом, маслом и другими продуктами области — Сибирь, Южный Урал, Оренбургскую губернию и Тургайскую область, таким образом, выполнить намеченный еще Рябушинским план удушения революции «костлявой рукой голода».

В выполнении этого плана Дутову помогло временное правительство: председателем правительства Керенским и министром Верховским на Дутова было возложено руководство продовольственным делом в Оренбургской губернии и Тургайской области в качестве главноуполномоченного «на правах министра»[3].

Пользуясь этими диктаторскими правами, Дутов сумел в районе Троицка сосредоточить большие запасы хлеба. В

---

1 Газета „Уральский рабочий" № 53 от 5 декабря 1917 г.

2 Сталин, Сборн. статей по нац. вопросу, стр. 91.

3 „Уральский рабочий" № 65 от 17 декабря 1917 г.

самом городе ему удалось заготовить настолько большое количество мяса, что все имеющиеся холодильники были переполнены. Пришлось даже временно прекратить дальнейшие заготовки[1].

И уже с октября эти запасы хлеба и мяса задерживались Дутовым и не допускались к отправке в центр России. На ряду с этим, им принимались меры к еще большему расширению этих запасов. Дутов обращается к населению Оренбургской губернии и Тургайской области с приказанием «немедленно привести и сдать все излишки хлеба своего хозяйства на ссыпные пункты при станциях ж. д.» Так Дутов хотел создать голод в революционных центрах и организовать продовольственную базу для своего контрреволюционного выступления.

На страницах I тома «Истории гражданской войны в СССР» эта «продовольственная» деятельность Дутова получила блестящее, исчерпывающее, четкое освещение:

«особоуполномоченным по Оренбургскому району был приглашен атаман Оренбургского казачьего войска — известный контрреволюционер Дутов, председатель Совета союза казачьих войск и активный участник корниловского заговора. Система особоуполномоченных вроде атамана Дутова была неплохой подготовкой сил контрреволюции на местах, которая брала в свои руки одно из важнейших орудий борьбы с революцией — продовольствие. К продовольственной работе был привлечен почти исключительно частный торговый аппарат, как достойный соратник новых уполномоченных. Уполномоченные блестяще справились с поставленными перед ними задачами. На II съезде эмиссаров по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области была дана подробная характеристика одного из самых выдающихся среди них — Дутова.

«В частности, — сообщал в своем отчете о съезде главный эмиссар, — по отношению к назначению главноуполномоченным по Оренбургской губернии и Тургайской области войскового атамана Дутова как лица, по своим политическим выступлениям не пользующегося популярностью среди всего

[1] „Правда" № 7 от 24 января 1918 г., стр. 2.

трудового населения края, а также абсолютно не знакомого с делом продовольствия и не разделяющего принципов хлебной монополии, кроме того, принимая во внимание целый ряд его распоряжений по продовольствию как особоуполномоченного, которые внесли дезорганизацию (расстройство) в постепенно налаживающийся аппарат (разрастание вольных закупок, введение цен франко-амбар, полное игнорирование общепризнанных местных продовольственных органов, проведение специфической казачьей политики и т. д.), съезд особенно подчеркивает, что вся политика его проводится специально приглашенными лицами из бывших уполномоченных, хлеботорговцев и всевозможных губернских правителей, которых революция смела в первые же дни, и что такая политика совершенно дискредитирует всю организацию продовольственного дела в губерниях. Съезд находит деятельность его безусловно вредной для дела продовольствия».

Эмиссар ошибался только в одном: Дутов прекрасно разбирался в том, как нужно было на новом этапе работать в области продовольствия, чтобы служить интересам буржуазии. Восстановление дореволюционного продовольственного аппарата, разрешение вольных закупок, т. е. срыв всякой монополии, полное игнорирование общественных продорганов — все это и было самым правильным выполнением последних распоряжений правительства. Не эмиссарам было учить искусству контрреволюции атамана Дутова. Дутов оказался «образцовым» уполномоченным, ибо его работа давала образцы борьбы на продовольственном фронте с наступающей революцией. По нему равнялись и остальные уполномоченные. Так правительство «боролось» с голодом. Эта борьба была на деле активным содействием скорейшему развитию голода для облегчения собирания контрреволюционных сил, для большего успеха в деле борьбы с пролетарской революцией, которая уже стояла у порога»[1].

Но Дутов был не только «образцовым» продовольственным уполномоченным буржуазии.

Одновременно он усиленно готовится к борьбе с революцией и собирает контрреволюционные силы. С фронта в

[1] „История гражданской войны в СССР", т. I, стр. 227—228.

Оренбург переводятся «надежные» полки. Уже во второй половине сентября им по станицам и казачьим полкам рассылаются казачьи офицеры-агитаторы, которые распространяют клеветнические, антисемитские измышления на советы и большевиков. Широко распространяется слух о том, что большевики и советы хотят, якобы, «уничтожить казацкое сословие», отнять все их права и землю.

Рядовое казачество офицерскими агитаторами всячески науськивается на солдат, крестьян и рабочих.

Офицеры «объясняли», что солдаты — враги народа, т. к. они не хотят воевать, что крестьяне намерены отобрать у казаков всю землю и что рабочие не хотят работать на фабриках. Этим офицерство мотивировало необходимость создания особой казачьей федеративной республики, отгороженной от остальной революционной, «гибнущей» России.

Такой агитацией, с одновременным запрещением выступлений на казачьих собраниях агитаторов большевиков, подготовлялась почва к формированию добровольческих контрреволюционных казачьих отрядов.

По станицам уже с октября производилась вербовка добровольцев в пластунские пешие полки. Отобранные у солдат оренбургского гарнизона 2100 винтовок были переданы этим пластунам[1]. За время обучения военному делу в этих добровольческих отрядах казакам выплачивалось суточных по 3 руб., и было обещано платить в момент походов по 5 руб.

Кулацкая часть казачества, боящаяся конфискации тех больших массивов земли, которыми она владела, офицерство и казацкие урядники, не желавшие расставаться с перспективой ношения офицерских погон — производства в офицеры, — отзывались на эту контрреволюционную агитацию. Они были готовы поддержать Дутова.

Дутов нашел поддержку и в лице местных организаций «социалистических» партий — меньшевиков и эсеров. Уже 23 сентября 1917 г. эсер, председатель оренбургского губ. комитета общественной безопасности обратился к войсковому кругу с просьбой «об оказании казачьими властями помощи в

[1] „Уральский рабочий“ № 53 от 5 декабря 1917 г.

деле предупреждения и пресечения беспорядков, могущих возникнуть в городе» (под «беспорядками» подразумевались, конечно, революционные выступления рабочих и солдат)[1].

В ответ на это ходатайство «социалистов» круг постановил: «Помощь эту всегда оказывать» и одновременно решил расширить ее масштаб: не ограничивать одним Оренбургом, распространить это «оказание помощи» на города Верхнеуральск, Челябинск, Троицк и Орск, т. е. на всю область Оренбургского казачьего войска.

Круг в постановлении также записал, что помощь следует оказывать «при непременном условии, чтобы распоряжение казачьими частями исходило от войскового атамана».

На территории беспорядков «вся полнота власти должна переходить в руки войскового или окружного атамана».

Этим самым казаки указывали «подобающее» место меньшевикам и эсерам. Задача последних заключалась лишь в прикрытии «социалистической» словесной шелухой контрреволюционных действий белогвардейцев.

Руководство же действиями дутовцы целиком оставляли за собой. В районе «беспорядков» они хотели установить крепкую белогвардейскую казацкую диктатуру.

С этого же момента Дутов пытается создать боевую коалицию казачьих войск: войсковой круг посылает делегации в Астраханское и Уральское казачьи войска и устанавливает связи с сибирскими, донскими и терскими казаками.

На специальном секретном заседании войскового круга обсуждается вопрос о событиях в Ташкенте, т. е. о подавлении большевистского выступления ташкентских рабочих и солдат.

Таким образом, под руководством Дутова намечается план организации контрреволюционного выступления соединенных сил Оренбургского, Сибирского, Астраханского и Уральского казачьих войск, которые должны были отрезать от центра революционной России Сибирь и юго-восточные окраины и развернуть поход на Москву.

---

[1] Уралпартархив, д. № 51, „Дутовщина на Урале“, протокол заседания чрезвычайного войскового круга Оренб. каз. войска 23/IX 1917 г.

Тотчас же вслед за получением известий о происшедшем в Петрограде и Москве переходе власти в руки советов Дутов приступает к срочной мобилизации казачьих войск. 1 ноября им издается приказ № 834 по всему Оренбургскому казачьему войску[1], в котором указывается, что «работающие на немецкие деньги» большевики, захватив власть в свои руки, «предают полному разорению города и грозят разрушением войску и губернии, желая окончательно предать Россию в руки немцев». Дутов обращается к казакам с призывом помочь «разбить коварные замыслы большевиков, замыслы, идущие из Германии», и приказывает всем атаманам округов и станиц экстренно представить сведения, «сколько будет добровольцев-казаков», желающих бороться с большевиками. Одновременно с этим Дутов предупреждает казаков, что войсковое правительство прибегнет к мобилизации, поэтому «ближайшие возрасты из подлежащих призывов казаков должны быть готовы выступить по первому зову войскового правительства».

Приказ, наполненный столь наглой клеветой на пролетарскую революцию и на большевиков, являлся прямым призывом к контрреволюционному выступлению против советской власти; приказ заканчивался выражением уверенности, что «казаки свято исполнят свою историческую задачу — спасут Россию, — и каждый из казаков явится... Мининым и Пожарским».

Так Дутов, представитель офицерства, буржуазии и контрреволюционных слоев казачества, распространением наглой лжи и небылиц про советскую власть и большевиков, подтасовкой исторических фактов и демагогической спекуляцией на патриотических чувствах казачества пытается поднять последнее против победившей пролетарской революции.

В это же время окружные атаманы, подобранные Дутовым из состава контрреволюционного офицерства, также спешно готовятся к боевым выступлениям, к вооруженной борьбе с большевиками.

---

1 Уралпартархив, д. № 51; „Дутовщина на Урале."

Очередной окружной съезд казаков 3-го округа (троицкого) уже 31 октября постановляет: «предоставить окружному атаману право сделать распоряжение о всеобщей мобилизации казаков в станицах Ключевской и Нижнеувельской, на случай подавления могущих быть беспорядков в городах округа»[1]. Аналогичные решения были вынесены по первому и второму округам.

Развертывание контрреволюционного выступления оренбургского казачества было поддержано сибирским казачеством. Последнее, безусловно, имело связь с Дутовым. Одновременно с изданием Дутовым приказа о подготовке к мобилизации, войсковым атаманом Копейкиным в конце октября по всему Сибирскому казачьему войску была объявлена мобилизация «всех способных носить оружие»[2].

Однако реальной помощи атаман Копейкин в это время Дутову оказать не смог. В среде сибирских казаков произошел раскол. Часть казачества находилась уже под большевистским влиянием. Поэтому сибирские казачьи войска не могли быть переброшены на помощь Дутову.

Таким образом Дутов выступал в качестве агента антантовской, англо-французской и российской буржуазии. Он готовился противопоставить победоносной пролетарской революции силы оренбургских, сибирских, уральских и астраханских казаков (в союзе с донским, терским и кубанским казачеством). Непосредственно в планы Дутова входили задачи захвата и отторжения от центров революции Сибири, Оренбургской губернии, Тургайской области и территории, где были расположены уральские и астраханские казачьи войска.

На ряду с удержанием в руках своей столицы — Оренбурга, — Дутов имел в виду захват в первую очередь Троицка, Челябинска, как важнейших стратегических пунктов, дающих возможность отрезать Сибирь от Урала и центра России. Захват Орска и Ташкента должен был обеспечить тыл Дутова с юго-востока.

---

[1] Уралпартархив, д. № 51, „Дутовщина на Урале".

[2] Там же, д. № 51, „Дутовщина на Урале": „Мобилизация казаков" (письмо из Омска).

Наступательные же действия против советской власти Дутов предполагал развернуть в сторону Москвы, намечая в первую очередь захват Самары и Саратова, Уфы и Казани.

Наступление на Москву Дутов хотел осуществить, предварительно соединившись с донской контрреволюцией — с войсками Каледина и Корнилова.

В этом случае создалась бы мощная единая цепь контрреволюционных сил: донские, кубанские и терские казаки сомкнулись бы с астраханскими и уральскими, а последние с оренбургскими и сибирскими.

Товарищ Сталин в своей статье «О Юге России» объяснял особое упорство белогвардейцев Юга в их попытках овладеть Царицыным (в конце лета 1918 г.): «Взятие Царицына и перерыв сообщения с Югом обеспечили бы достижение всех задач противником: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казацкими верхами Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехо-словаков. Оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, Юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа...»

«Этим, главным образом, и объясняется то упорство, с которым тщетно стараются белогвардейцы Юга взять Царицын». Вот этот план и предполагали осуществить Дутов с Калединым еще в ноябре 1917 г.

«Из Троицка сообщают, — писал 21 ноября 1917 года «Уральский рабочий», — что там (в штабе контрреволюции) получена шифрованная телеграмма о том, что Каледин предлагает Дутову выступить на соединение с ним, а также дает ему распоряжение отрезать доставку хлеба в Петроград Северным путем»[1].

Следовательно, соединение донской и урало-сибирской контрреволюции намечалось с первых же дней выступления Каледина — Дутова.

Деникин весной 1919 г. писал Колчаку: «Главное — не

[1] „Уральский рабочий" № 42 от 21 ноября 1917 г.

останавливаться на Волге, а бить дальше на сердце большевизма — на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове...» (Сталин, «К военному положению на Юге»).

К такой же встрече в Саратове призывал Каледин Дутова уже в ноябре 1917 г.

Именно об этом говорит неудавшаяся попытка Дутова захватить Саратов силами оренбургских казаков.

11 ноября 1917 г., в ответ на просьбу саратовского губернского комиссара временного правительства выслать на помощь саратовскому «комитету спасения» для борьбы с большевиками оренбургских казаков из Баланды, Дутов издает приказ N-ской оренбургской дивизии: «Всем — от генерала до рядового казака, встать на защиту временного правительства с оружием в руках и освободить город (т. е. Саратов — С. П.) от большевиков! Немедленно на коней и в Саратов! Смелым и честным — победа и слава!»[1] — пишет в приказе Дутов.

В этом же приказе Дутов обещает «освободить от большевиков Самару». Он указывает, что думает не только сохранить в своих руках территорию Оренбургского войска, но и послать помощь «соседям». Он ссылается на вооруженную борьбу с советами, которую в тот момент оренбургские казачьи части вели в Ташкенте. Здесь же Дутов сообщает, что не только оренбургское казачество им поголовно мобилизуется, но и мобилизуется казачество войск, с которыми он «имеет связь». Очевидно, он имеет в виду под этими последними Сибирское, Уральское и Астраханское казачьи войска[2].

Следовательно, план Дутова был весьма грандиозен — поднять на контрреволюционное восстание оренбургских, сибирских, уральских и астраханских казаков. Организовать контрреволюционный фронт по линии Саратов — Самара — Уфа — Челябинск — Троицк — Орск — Ташкент с базой в Оренбурге. Затем, соединившись с донским, терским и кубанским казачеством, двинуться на Москву. Сверг-

---

[1] „Год соц. революц. в Саратове".
[2] „Известия ВЦИК" № 234 от 24 ноября 1917 г.

нуть власть советов, восстановить диктатуру империалистической буржуазии и, воссоздав совместно с «доблестными союзниками»— Антантой — империалистический фронт, вновь бросить миллионы рабочих и крестьян России на борьбу с Германией в интересах антантовской и российской буржуазии — таков был кошмарный кровавый план атамана Дутова.

На этом плане, безусловно, сказалась вся предшествующая контрреволюционная деятельность Дутова. Не даром он был председателем подтасованного контрреволюционного совета Всероссийского союза казачьих войск. «План», несомненно, был тщательно разработан и согласован с Богаевским, Корниловым, Калединым и «доблестными союзниками».

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДУТОВЦЕВ В ТРОИЦКЕ, ЧЕЛЯБИНСКЕ И ВЕРХНЕУРАЛЬСКЕ

Приступая к открытым наступательным действиям против победившей пролетарской революции, Дутов, на ряду с фактическим захватом власти в Оренбурге и подготовкой сил к разгрому Оренбургского совета и большевиков, попытался одновременно укрепить свое положение в Верхнеуральске, Челябинске и Троицке. Этим он хотел создать себе прочный тыл, обезопасить себя со стороны революционных рабочих уральских заводов, отрезать хлебную Сибирь от революционных центров.

В районе Троицка, где был расположен 3-й отдел Оренбургского казачьего войска, Дутовым заблаговременно был создан крепкий, контрреволюционный казачий кулак.

Руководящим контрреволюционным центром явился «временный центральный казачий комитет г. Троицка и окружающих станиц и поселков», возглавляемый окружным атаманом Токаревым.

Широко развернула в Троицке свою контрреволюционную деятельность «общеказачья» партия. Сплачивались белогвардейские офицерские силы.

Ненависть белогвардейцев в первую очередь направлялась против большевиков и советов. Уже 3—5 июля 1917 г. троицкие офицеры пытаются арестовать председателя Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Лишь энергичная защита рабочих и солдат спасает Васильева от расправы. Троицкие большевики, несмотря на свою малочисленность,

энергично борются за подготовку революционных сил к захвату власти. После подавления контрреволюционного выступления генерала Корнилова Троицкий совет становится окончательно большевистским. На II Всероссийский съезд советов делегируются два большевика. Среди рабочих и солдат большевиками ведется систематическая массовая агитационная работа.

Ряды большевиков растут. Уже к концу сентября 1917 г., к моменту созыва Оренбургской губернской конференции РСДРП(б), в троицкой организации было 300 членов, как об этом докладывал конференции тов. Аппельбаум.

Большевистской организации приходится развертывать свою работу в обстановке исключительно дикой, злобной травли со стороны местных контрреволюционеров — кадетов, калединцев и казачьего офицерства.

Когда члены исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов тт. Попруга и Кошаев выступили на солдатском митинге с большевистской речью о текущем моменте, они тотчас же были арестованы по распоряжению полковника — командира 131-го полка. Но солдаты уже понимали, на чьей стороне правда. Их симпатии были целиком на стороне большевиков, самоотверженно боровшихся за власть советов. Грозная лавина солдат заставила немедленно выпустить арестованных, и солдаты торжественно проводили их из штаба в совет.

В связи с этими событиями большевики, солдаты 131-го полка нелегально выпустили воззвание с призывом к борьбе за переход власти к советам. Это окончательно всполошило троицкую белогвардейщину.

Вся троицкая милиция была поставлена на ноги в поисках авторов и распространителей воззвания. Ряд большевиков — рабочий консервного завода Тихонов и др. — был арестован. Типографии были тщательно осмотрены, и их владельцам было строго наказано не печатать какой-либо большевистской литературы.

Фактически уже с сентября 1917 г. Троицкий совет и большевистская партийная организация вынуждены были работать подпольно.

В первых числах октября 1917 г. на общем собрании РСДРП(б) принимаются четкие ленинские решения.

В принятой резолюции троицкие большевики еще раз подчеркивают необходимость перехода власти к советам. Они требуют немедленного заключения демократического мира, отмены частной собственности на земли и передачи их крестьянам, установления рабочего контроля над производством, беспощадного обложения капиталистов и конфискации военных прибылей[1].

И с этих ленинских позиций большевистская организация развертывает широкую массовую работу.

В конце октября большевики нелегально собирают митинг троицких рабочих в помещении холодильника. Рабочие принимают резолюцию о передаче всей власти советам. Над холодильником взвивается огромный красный флаг с надписью «Вся власть советам!»

Собрание железнодорожников также выносит большевистские решения.

Однако силы большевиков в Троицке все же оказались недостаточными для захвата власти, для свержения белогвардейского казачьего командования.

После победы Октябрьской революции в центре России, тотчас же по получении телеграммы от губернского комиссара временного правительства о «захвате власти большевиками», распоряжением казачьего начальства в г. Троицке и окрестностях вводится военное положение. Тем самым начинает осуществляться план Дутова и проводится в жизнь постановление оренбургского войскового казачьего круга «О поддержке власти временного правительства и принятии всей полноты власти в казачьих районах в руки казачьего начальства»[2]. На почту, телеграф и в учреждения белогвардейским начальством назначаются военные комиссары. По городу дефилируют казачьи патрули. Арестовывается ряд большевиков, руководителей

---

[1] Газета „Уральский рабочий" № 14 от 7 октября 1917 г., стр. 4.

[2] Выступление председ. Троицкого казач. совета на заседании Челябинского совета раб. и солд. деп. 21 ноября — Уралпартархив, д. № 71, Рукописи и статьи 1917/18 г., т. III, стр. 105.

Совета рабочих и солдатских депутатов и других организаций.

В городе и в округе фактически устанавливается диктатура казачьего атамана Токарева.

Троицкий малый казачий круг, в котором установилось засилье кулацкой части казаков, готовясь к активной борьбе с советами, 3 ноября издает приказ о мобилизации казачества окружающих поселков. Одновременно с этим разоружаются большевистски настроенные солдатские части. Солдаты распускаются по домам. За счет богатых оружием и снарядами троицких арсеналов вооружаются казачьи полки.

Офицерством и буржуазией ведется по станицам и среди населения города провокационная, антисоветская агитация.

«Распространялись слухи, что совет собирался жечь, грабить, убивать и т. д.»,— говорил на заседании Челябинского совета представитель Троицкого совета тов. Елькин. Лишенные правильной информации о совершающихся событиях, запуганные рассказами о «зверствах» большевиков, троицкие казаки поддаются этой контрреволюционной агитации. В станицах господствует еще полное засилье кулацко-буржуазных и белогвардейско-офицерских групп. И голосованием по станицам при выборах в Учредительное собрание 12 тысяч обманутых казаков высказываются за «казачью демократию», т. е. за свою особую, контрреволюционную казачью власть, противопоставленную власти советов[1].

В это время в Челябинске местная большевистская организация, опираясь на более значительные, нежели в Троицке, кадры рабочих (среди которых еще задолго до революции велась большая революционная работа) и на солдатский гарнизон, укрепляет положение Совета Р. и С. Д., развертывая энергичную работу в массах.

Влияние челябинских большевиков в массах было весьма значительным. Об этом говорит ряд большевистских резолюций, принятых рабочими и солдатскими собраниями.

Например, уже 5 (18) октября митинг солдат в количестве 200 человек требует передачи власти советам и контроля над производством[2].

[1] Уралпартархив, дело № 51.
[2] Газета „Уральский рабочий" № 18 от 15 октября.

Собрание челябинских железнодорожников 14 (27) октября требует передачи власти в руки советов и отчисляет однодневный заработок на предвыборную агитацию в Учредительное собрание в распоряжение большевиков, подчеркивая этим самым, что рабочие доверяют лишь большевикам.

Об этом же доверии рабочих большевикам говорит и значительная численность челябинской парторганизации в тот период. На Оренбургской губернской конференции РСДРП(б), состоявшейся 26—27 сентября 1917 г., тов. Цвиллинг — делегат от Челябинска — докладывал о наличии 2100 членов партии в челябинской организации[1].

27 октября Челябинский совет захватывает власть в свои руки, отстраняя от власти городскую думу. К начальнику гарнизона назначается военный комиссар. Все строевые, оперативные приказы даются только с санкции исполкома совета. По учреждениям — на почту, телеграф, в банк — также рассылаются комиссары. Совет энергично приступает к созданию красногвардейских отрядов и вооружает большевистски настроенный солдатский гарнизон. По городу развертываются массовые митинги.

Рабочие, солдаты и широкие слои трудящихся горячо, с энтузиазмом приветствуют установление власти советов. Челябинская же буржуазия, с одной стороны, противодействует новой власти изнутри — организует саботаж, забастовку почтово-телеграфных чиновников. А с другой стороны, она пытается получить поддержку извне — обращается за помощью к троицким казакам.

Исполнительный комитет Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов принимает особое воззвание к казакам с призывом поддержать советскую власть.

Но зажиточно-кулацкие группировки челябинского казачества, руководимые офицерством, в ответ на это обраще-

---

[1] Газета „Уральский рабочий„ № 24 от 29 октября 1917 г.

Указанную цифру в 2100 членов челябинской организации нельзя считать вполне точной. По книге уплаты членских взносов, за сентябрь—октябрь 1917 г. уплатило членских взносов 900 членов партии по городу Челябинску. (Книга имеется в архиве Истпарта Челяб. обкома ВКП(б).

ние бросают клич свержения власти совета. Общее собрание станичных гласных Челябинской станицы в ответ на обращение совета к казакам заявило, что оно признает лишь власть оренбургского казачьего правительства и считает «законной властью» в стране только коалиционное временное правительство. «Все постановления, вынесенные отдельными организациями (читай: советами — С. П.), но, якобы, обязательные для всей страны, казачество считает нарушением коренных прав свободных граждан», — так заявило собрание, объявив тем самым войну советской власти [1].

Троицкие казаки не замедлили выступить на помощь челябинским. Есаул Титов с отрядом троицких казаков, вооруженных пулеметами, немедленно выступает против Челябинска. Он занимает поселок Шерстни под Челябинском и оттуда посылает ультиматум Челябинскому совету о роспуске совета, о передаче власти в руки эсеровско-кадетской городской думы, о разоружении Красной гвардии. В помощь троицкому отряду к Челябинску из ближайших станиц стягиваются отряды казаков.

В Сосновке (12 верст от Челябинска) было предположено формировать казачий полк.

Казаками были заняты Кыштымские копи (разъезд Козырево). За производством и «порядком» был установлен контроль казачьего комиссара.

К этому моменту Челябинский совет уже успел вооружить с помощью солдат 109-го полка челябинских рабочих, создать первые отряды Красной гвардии.

Но эти красногвардейские отряды не были еще силой, способной отразить наступление тысячного казачьего отряда. Челябинский совет вынужден был формально подчиняться казацкому ультиматуму — передать власть городской думе и разоружить гарнизон и Красную гвардию. Фактически же свою революционную деятельность, свою борьбу за власть челябинские большевики, конечно, не прекращают. При «разоружении» Красной гвардии были частично сданы старые охотничьи винтовки, имевшиеся у

[1] Уралпартархив, д. № 71, Рукописи и статьи 1917/18 г., т. III.

рабочих, а полученные через солдат из арсеналов винтовки военного образца были оставлены у красногвардейцев.

Благодаря этому челябинским большевикам удалось фактически сохранить свои вооруженные силы. Совет рабочих и солдатских депутатов продолжает полуподпольно существовать. Большевики ведут энергичную массовую работу среди солдат и рабочих. Они вновь готовят их к захвату власти в свои руки. Одновременно челябинцы обращаются к советам Уфы, Екатеринбурга, Самары и Омска с просьбой о помощи.

Казацкая диктатура устанавливается и в третьем крупном городе, расположенном на территории Оренбургского казачьего войска — в Верхнеуральске. Здесь также образуется «комитет спасения родины и революции», в состав которого в трогательном единении входят и меньшевики, и эсеры, и кадеты, и открытые контрреволюционеры — казачьи офицеры. Комитет выделяет из своего состава «исполнительную власть» — четверку, в которую вошли: окружной атаман — казачий полковник Луговских, председатель земской управы, городской голова и уездный комиссар правительства Керенского.

«Исполнительная власть» начинает свою деятельность с травли большевиков. Опираясь на казачество, она формирует контрреволюционные части.

Революционное кипение докатывается, однако, и до глухого Верхнеуральска. Местные большевики, поддерживавшие систематическую, тесную связь с белорецкой большевистской партийной организацией, во главе которой стоял старый большевик-подпольщик тов. Точисский, заставляют прислушиваться к своим речам все большие массы рабочих и солдат. В среде последних зреет стремление к захвату революционным путем власти в свои руки.

Контрреволюционные власти отвечают на этот рост революционных настроений в массах объявлением своей диктатуры.

Приказом окружного атамана, председателя земской управы, городского головы и уездного комиссара, «в целях сохранения порядка и спокойствия в населении», Верх-

неуральск, его уезд и 2-й военный округ объявляются на военном положении с 16 часов 24 ноября (7 декабря).

Казачья плеть нависает и над трудящимися Верхнеуральска.

Уральские, сибирские и самарские рабочие встречают с негодованием это установление казацкой диктатуры в Троицке и Верхнеуральске и восстановление власти приверженцев временного правительства в Челябинске. Под руководством большевистских организаций уральскими, уфимскими, самарскими и симбирскими рабочими быстро организуется помощь Челябинску и Троицку.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДУТОВА В ОРЕНБУРГЕ

Центром дутовского выступления явился Оренбург — столица «Оренбургского казачьего войска». В этом административном, военном, торговом и заготовительном пункте была довольно мощная прослойка торговой буржуазии (торговцев, ведущих крупную торговлю с казахами, киргизами и калмыками) и промышленников-заводчиков, владельцев кожевенных заводов, мельниц, крупорушек и т. д. Поскольку Оренбург был крупным административным и военным центром, именно он явился столицей «Оренбургского казачьего войска», местопребыванием войскового правительства во главе с Дутовым. Поэтому в нем не только было сосредоточено большое количество казачьих войск, но и концентрировалось белогвардейское, казачье офицерство.

В то же время рабочая прослойка в Оренбурге была небольшой. Крупных промышленных предприятий (за исключением железнодорожных мастерских) в городе не было. Распыленные по мелким кожевенным заводам, мельницам и крупорушкам рабочие не могли явиться достаточно мощной силой, способной противостоять организованной казачьей контрреволюции. Передовую революционную роль в Оренбурге играли рабочие железнодорожных мастерских. Именно на них в первую очередь и опиралась в своей деятельности местная большевистская организация.

К моменту созыва Оренбургской губернской конференции РСДРП(б) — к концу сентября 1917 г., оренбургская большевистская организация в своих рядах насчитывала 260

членов партии. Об этом докладывал конференции тов. Мисканов[1].

Контрреволюционной работе Дутова оренбургские большевики противопоставили энергичную массовую работу среди рабочих и солдат. И в результате — в начале августа большевики при перевыборах Совета рабочих депутатов получают большинство, вытесняя меньшевиков и эсеров. В начале октября, в связи с перевыборами ротных и полковых комитетов, ими завоевывается Совет солдатских депутатов.

Потерявшие доверие в массах, меньшевики и эсеры концентрируют свою деятельность вокруг местного «комитета общественной безопасности» и комиссара временного правительства. Они заблаговременно заручаются обещанием поддержки со стороны Дутова на случай революционных выступлений масс.

Таким образом еще до победы Октябрьской пролетарской революции создается прямой контакт, союз контрреволюционного корниловца, казачьего атамана с «социалистическими» партиями, в интересах совместной борьбы с возрастающим влиянием большевиков и с угрозой захвата власти пролетариатом.

Тотчас же по получении известий о победе пролетарской революции и свержении временного правительства, о переходе власти в руки советов и об образовании Совета народных комиссаров, Оренбургский комитет общественной безопасности переформировывается в «комитет спасения родины и революции». В комитет входят представители партий правых эсеров, меньшевиков, энесов, кадетов, представители национальных, «демократических» (т. е. буржуазных) организаций. Комитет объявляет себя единственной властью в городе и губернии. Главная роль в комитете принадлежит правым эсерам: председателем комитета избирается эсер Барановский. В состав комитета входит и местный губернский комиссар, назначенный временным правительством, правый эсер Архангельский.

---

[1] Газета „Уральский рабочий“ № 24 от 29 октября 1917 г.

Подлинная сущность «комитета спасения» была той же, что и его предшественника — «комитета общественной безопасности».

Контрреволюционное же назначение этих последних комитетов, органическая связь их с общим планом контрреволюционного наступления на революцию прекрасно вскрыты в I томе «Истории гражданской войны в СССР»:

«Меньшевики шли в ногу с буржуазией: 15 октября они внесли в Предпарламент проект «Временного положения о борьбе с погромным движением». Проект требовал создания на местах полновластных комитетов общественной безопасности из представителей различных организаций, военных и судебных властей. Предпарламент, куда поступили предложение меньшевиков и проект меньшевистского министра Никитина о создании комитетов при губернских комиссарах, утвердил проект в формулировке меньшевиков: под такой оболочкой контрреволюционная сущность комитетов выпирала не так явственно. Руками меньшевиков были созданы те самые «комитеты общественной безопасности», которые стали во главе контрреволюции на второй день после Октябрьской революции»[1].

Оренбургские меньшевики и эсеры не явились исключением из общего правила. Они так же, как и их собратья в остальной России, деятельно помогали укреплению позиций контрреволюционной белогвардейщины.

Свою борьбу с большевиками «социалистический» комитет начинает с закрытия большевистской газеты «Пролетарий» на ее третьем номере. Ее редактор большевик тов. Г. А. Коростелев арестовывается. Организуется разгром большевистской типографии. На другой день закрывается большевистский клуб.

Но по энергичному протесту большевистской организации и шедших за ней рабочих и солдат тов. Коростелев был освобожден через несколько часов после ареста. Восстановить же легальный выход газеты и добиться возвращения клуба большевикам, однако, не удается.

---

1 „История гражданской войны в СССР“, т. I. стр. 290.

Лишенные возможности легальной деятельности большевики развертывают полулегальную работу с удвоенной энергией. Под руководством приехавшего из Петрограда со Второго всероссийского съезда советов, руководителя челябинских большевиков, пламенного оратора тов. Цвиллинга, в цирке организуются массовые собрания рабочих и солдат (на которых присутствует по нескольку тысяч человек). Доклады о работе II съезда советов и о значении Октябрьской революции встречаются овациями по адресу советской власти и большевиков.

Выступающие большевики открыто разоблачают контрреволюционную политику Дутова и соглашательских партий. Массы приветствуют взятие власти советами. В ответ на это, по распоряжению «комитета спасения» и Дутова, цирк оцепляется войсками, и дальнейшие большевистские массовые городские митинги не допускаются. Большевики с удвоенной энергией продолжают, однако, свою работу по фабрикам, заводам, мастерским, полкам и ротам.

Совет переходит в помещение «Караван-сарая» и продолжает свою работу по мобилизации революционных сил.

Тогда дутовцы, с явно провокационной целью, в ультимативной форме предлагают совету официально признать власть «комитета спасения» и, когда совет отвечает на этот ультиматум отказом, арестуют видных местных большевиков.

7 (20) ноября арестуются большевики: Г. А. Коростелев, И. Мартынов, С. Кичигин, М. Макарова, И. Лобов, Мискинов (тов. Цвиллинга дутовцы не находят). Оренбургские рабочие на эти аресты отвечают массовой политической стачкой-протестом. Организованный большевиками стачечный комитет руководит развертыванием стачки, парализуя нормальную жизнь в городе. Стачка распространяется на станцию Бузулук: железнодорожники не пропускают в Оренбург никаких грузов.

12 (25) ноября в Оренбург конспиративно приезжает из Петрограда командированный Совнаркомом тов. П. А. Кобозев. Он на совещании большевиков делает доклад о ходе событий в центре и сообщает о предполагаемом наступлении на

Оренбург, с целью разгрома дутовщины, революционных частей из соседних городов — из Самары и Бузулука.

Предложив немедленно избрать военно-революционный комитет и готовить силы к свержению Дутова, тов. Кобозев уезжает обратно в Самару для организации наступления на Оренбург.

Оренбургские большевики начинают энергично готовиться к выступлению, к захвату власти: организуют перевыборы ротных, полковых комитетов и совета. Окончательно вытесняются меньшевиствующие и эсерствующие элементы из всех советских организаций. В советах устанавливается полная гегемония большевиков. В ночь с 14(27) на 15(28) ноября ими созывается собрание советов солдатских и рабочих депутатов, полковых, ротных и командных комитетов и выбирается военно-революционный комитет. Председателем ревкома был избран тов. Цвиллинг. На собрании принимается «Приказ по оренбургскому гарнизону № 1». В нем объявляется о передаче всей власти в городе и гарнизоне образованному советом военно-революционному комитету. Воинским частям предлагается выполнять лишь те приказы военного начальства, которые будут утверждены военно-революционным комитетом и подписаны назначенным к начальнику гарнизона комиссаром, членом ВРК, вольноопределяющимся тов. Поповым.

Однако заседавший в эту же ночь «комитет спасения» через своих шпионов узнает о решениях совета и ВРК и тотчас же, по предложению председателя эсера Барановского и Дутова, приказывает арестовать совет.

Мотивы этого приказа об аресте совета самим «комитетом спасения» впоследствии были изложены в специальном сообщении так:

«Собрание Совета Солдатских депутатов, совместно с полковыми, ротными и командными комитетами, постановило предъявить местным правительственным органам и «комитету спасения родины и революции» ряд требований, в том числе требование демобилизации казачьих частей и передачи власти Советам Рабочих и Солдатских депутатов. Тогда комитет спасения родины и революции приказал военным властям принять все меры для ареста созданного большевиками во-

енно-революционного комитета, не останавливаясь перед применением оружия!..»[1].

И в 2 часа той же ночи (15/28 ноября) здание «Караван-сарая» неожиданно оцепляется ротой юнкеров и казаков, вооруженных пулеметами. Под руководством начальника милиции эсера Капашидзе руководящая часть совета и военно-революционный комитет (всего более 100 человек) арестовываются[2].

Контрреволюционная казацко-юнкерская свора кипела злобной ненавистью к революционерам-большевикам. Арестованных повели в помещение «комитета спасения родины и революции» и перед тем, как впустить в здание, зверски избили их.

Тов. Закурдаев в своих воспоминаниях пишет:

«Недалеко от комитета была построена с двух сторон цепь из казаков, которая нас поджидала. Только что успели нас загнать в эту цепь, как на нас обрушились со всех сторон плети, шашки в ножнах, кулаки, приклады. Нас избили так основательно, что порою и сейчас приходится вспоминать об этих ударах...»

Особенно дикое зверство было проявлено по отношению к делегату Второго всероссийского съезда советов, видному руководителю рабочих, тов. Цвиллингу. Впоследствии на собрании Челябинского совета тов. Цвиллинг рассказывал: «...меня бросили в какое-то помещение, где на меня набросилась целая свора юнкеров, и началось избиение. Били нагайками, прикладами, револьверами... Когда я, окровавленный, протер глаза, то увидел, что в комнате присутствует целый ряд видных местных меньшевиков и правых эсеров. Избиение, оказывается, происходило у них на глазах, и они даже пальцем не пошевелили, чтобы прекратить это издевательство...»[3].

Так, совместным участием в кровавых зверских избиениях лучших большевиков скреплялся союз оренбург-

---

[1] Владимирова, Год службы «социалистов» капиталистам, стр. 144.

[2] Газета „Вольный Урал“ № 39 от 27 декабря 1917 г.

[3] „Правда“ № 15 от 2 февраля 1918 г.

ских вождей «социалистических» партий с махрово-контрреволюционной казацко-юнкерской сворой.

Из арестованных 100 человек после допроса в «социалистическом» комитете спасения родины и революции были отобраны 32 большевика и видных советских работника и отправлены в тюрьму и по казачьим станицам.

Силой юнкерского штыка и казацкой нагайки в Оренбурге была утверждена формально власть «комитета спасения», а фактически — диктатура казацкого атамана Дутова.

Оренбургские рабочие узнали о разгроме совета на следующий же день; стачечный комитет немедленно обратился к ним с призывом организовать всеобщую политическую забастовку. И этот призыв не остался без отклика. С утра 15(28) ноября дружно забастовали все предприятия города. Продолжавшие работу рабочие электрической станции и городского водопровода обязались примкнуть к стачечникам, как только им об этом укажет стачечный комитет. Оренбург превратился в мертвый город. Особенно остро забастовка сказалась на продовольственном снабжении населения. Подвоз хлеба прекратился, запасы его истощились, население стало голодать. Дутовцы вынуждены были послать специальную делегацию в тюрьму, к... арестованным большевикам, с просьбой дать разрешение на возобновление подвоза продовольствия. Но, конечно, эта попытка дутовцев сорвать забастовку кончилась неудачей: под руководством развернувших подпольную деятельность большевиков рабочие категорически отказались возобновить работу. Они предпочитали голод укреплению диктатуры Дутова.

Тогда «комитет спасения» публикует специальное постановление по поводу забастовки: признает ее «преступной и недопустимой» и предлагает администрации всех бастующих предприятий «уплату за прогульное время не производить».

Но и это постановление не помогает. Забастовка рабочих продолжается. Ища выхода, «комитет спасения» прибегает к силе юнкеров. Как сообщали бастующие оренбургские рабочие в письме в «Известия» Пермского совета, к рабочим «приходят по шесть юнкеров ежедневно на дом и под угрозой расстрела тащат к предприятиям на работу». Но, конечно,

даже и этими методами дутовцам сорвать забастовку не удалось. Вплоть до самого прихода красногвардейцев в Оренбург и перехода власти к советам оренбургские рабочие продолжают стойко бастовать, проявляя тем самым свою геройскую преданность советской власти и пролетарской революции.

Так же враждебно к установлению власти Дутова отнеслись солдаты и беднейшее крестьянство. Солдатский гарнизон Оренбурга был на стороне большевиков. Большевистский лозунг «вся власть советам» стал лозунгом и солдатских масс. Использовать этот большевистски настроенный гарнизон в интересах борьбы с красными отрядами Дутов, конечно, не мог. Оставить же эту солдатскую массу в городе Дутов также боялся. Недовольная дутовской диктатурой солдатская масса постоянно угрожала бы восстанием. Дутов вынужден был заблаговременно распустить 30-тысячный гарнизон Оренбурга по домам. Одновременно с этим Дутов, желая лишить красногвардейские отряды возможности пополнений за счет солдатских частей Казанского военного округа, находившихся на территории, где власть была в руках советов, издает провокационный приказ. Объявив себя преемником власти временного правительства в области, Дутов в ноябре особым приказом сообщает о роспуске всех солдатских воинских частей в области. Этим он рассчитывает ослабить боевые силы красных отрядов и расколоть единый фронт революционных сил. Однако этот маневр Дутову не удается. Совет управления Казанским военным округом, которым уже руководили большевики, объявляет Дутова изменником революции и разъясняет, что его приказы исполнению не подлежат[1].

Позиция середняцкого крестьянства по отношению к развертывающейся борьбе советов с Дутовым была колеблющейся. «Середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть Советов не была еще упрочена, ввиду чего и пришлось его нейтрализовать»[2],— пишет товарищ Сталин.

«...Но «нейтрализовать» отнюдь не означало сделать его нейтральным, оставить его в стороне от борьбы, выжидающим

[1] Газ. „Уральский рабочий“ № 51 от 2 декабря 1917 г.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 252.

ее исхода. В гражданской войне, когда народ резко делится на два враждебных класса, вообще не может быть нейтральных, не участвующих в борьбе. Нейтрализовать середняка значило заставить его не мешать революции, а если можно, то и вызвать помощь с его стороны. Как раз основная масса крестьян-середняков, переодетых в солдатские шинели, была подвержена наибольшим колебаниям вплоть до кануна пролетарской революции и только с сентября 1917 года могла выступить нашим временным помощником, поскольку аграрный вопрос и вопрос о мире могли быть решены лишь пролетариатом» [1].

Если кулак был настроен определенно антисоветски, то середняцкое крестьянство первоначально пытается занять «нейтральную» позицию и уклоняется от активных выступлений. Когда белогвардейские дутовские отряды пытались мобилизовать крестьян на рытье окопов, разрушение железнодорожных путей и т. д., крестьяне шли неохотно, лишь под давлением силы, и при первом же удобном случае старались разбежаться по домам, но активного сопротивления дутовцам еще не оказывали. Однако такая «нейтральная позиция крестьянством долго сохраняться не могла. С первого же момента прихода к власти Дутова оживают помещики. Они пытаются полностью восстановить свои права на землю и эксплоатацию крестьян. Так, помещик Охотников в декабре потребовал у Оренбургского продовольственного комитета уплаты денег за реквизированные у него ранее дрова (реквизиция была совершена крестьянским земельным комитетом). Дутов становится целиком на позицию поддержки притязаний помещиков. Уже к концу ноября им повсеместно разгоняются образованные в Оренбургской губернии еще в конце лета крестьянские советы [2]. Многие активные работники этих советов арестовываются и преследуются. Местные земельные комитеты, хотя и не разгонялись, однако настолько были связаны в своей деятельности ставленниками Дутова, что помышлять о каком-либо разрешении аграрного вопроса, конечно, не могли. Крестьянство уже слышало о советских де-

[1] „История гражд. войны в СССР", т. I, стр. 111.
[2] „Правда" № 25 от 14 февраля 1918 г.

кретах, об исполнении их заветных стремлений — передаче земли крестьянам и прекращении империалистической войны.

Недовольны были крестьяне также и финансовой политикой Дутова.

Оренбургский «комитет спасения», в целях финансирования всей дутовской авантюры, выпустил через местный банк на 30 миллионов рублей кредиток весьма упрощенного образца. Крестьяне не хотели признавать этих денег и брать их взамен реквизируемого дутовскими отрядами хлеба и фуража. Они отказывались даже от получения так называемого «солдатского пайка», т. к. он выплачивался этими «липовыми» дутовскими кредитками.

В результате такой политики дутовских властей, с одной стороны, и проникновения в крестьянскую среду сведений о политике большевиков по отношению к крестьянству, с другой,— симпатии середняков по отношению к советской власти возрастали. Одновременно росло недовольство дутовщиной. Как сообщалось в корреспонденции из Оренбургской губернии в «Правду», «большинство крестьян стоит за советскую власть и поддерживали бы ее активно, если бы могли»[1].

Подпольная деятельность большевиков в крестьянской среде встречала живой отклик. И когда развернулось наступление красных войск, большинство крестьянского населения приветствовало красногвардейские отряды. Крестьяне встречали их с «хлебом и солью» и помогали продовольствием и фуражом.

Что касается крестьянской бедноты и батрачества, то их симпатии были целиком на стороне советской власти. Крестьянская беднота и батраки совместно с малоимущей частью казачества вели активную борьбу с казачьим кулачеством за землю, за власть. Крестьяне — «иногородные» не входили в казачье сословие, не пользовались никакими привилегиями. Значительная их часть работала на чужой, казачьей или кулацкой земле, на хуторах и поселках и подвергалась жестокой эксплоатации. Поэтому крестьянская беднота охотно откликалась на призыв к вступлению в Красную гвар-

[1] „Правда" № 25 от 14 февраля 1918 г.

дию. Село Павловское почти целиком приняло участие в вооруженной борьбе с Дутовым, дав отряд стойких бойцов.

Торжествующе встретили установление диктатуры Дутова лишь оренбургская буржуазия и ее лакеи — меньшевики и эсеры. Буржуазия сразу же разглядела в Дутове своего спасителя от грозной пролетарской революции. Для нее день установления диктатуры Дутова в Оренбурге был праздником. И она пытается всячески поддержать контрреволюционного казачьего атамана.

2 декабря в здании оренбургской биржи состоялось многолюдное собрание «представителей торгово-промышленного класса» г. Оренбурга [1].

С большой «патриотической» речью на этом собрании выступает Дутов, призывая буржуазию к активной поддержке его борьбы с советами. Призыв не остается без ответа. Собрание оренбургских купцов и промышленников, туго набивших себе карманы на эксплоатации рабочих, крестьян, на торговле с казахами, киргизами и башкирами, охотно постановляет: собрать «по добровольному обложению» и ассигновать в распоряжение Дутова 100000 руб. — на приобретение 1200 валенок для казаков, 350 тыс. руб. — на содержание конной белогвардейской милиции. Местные кожевенные заводчики решают выдать казачьим частям бесплатно сапоги. На деньги буржуазии в Оренбурге организуется «Лазарет торгово-промышленного класса».

Активную поддержку Дутову пытались оказать близкие к буржуазии прослойки служащих различных учреждений Оренбурга. Уже 28 октября, тотчас же по получении телеграммы о победе пролетарской революции в центрах России, съезд делегатов служащих Ташкентской железной дороги принимает резолюцию, «порицающую выступление большевиков» [2].

Поэтому, когда в ответ на разгром совета, арест большевиков и захват власти Дутовым рабочие организуют всеобщую политическую забастовку-протест, они с первых же дней встречаются с активным противодействием буржуазной части интеллигенции и служащих.

---

[1] „Известия Челябинск. ВРК“ № 11 от 18 декабря 1917 г.
[2] Газ. „Оренбург. зем. дело“ № 75 от 31 октября 1917 г.

На другой же день после объявления рабочими забастовки общее собрание служащих управления службы тяги принимает пространную резолюцию, в которой заявляет, что «забастовка, объявленная рабочими и служащими — большевиками главных мастерских, депо и ст. Оренбург и Бузулук, влечет за собой голод» и может привести, якобы, к «гибели родины и завоеваний революции». И собрание этих контрреволюционеров и саботажников, призывая рабочих «немедленно вступить на работу» и «требовать немедленного роспуска стачечных комитетов», угрожает рабочим, что «ни один платежный документ, в коем заинтересованы бастующие, до ликвидации забастовки выпущен не будет»[1].

На такую же белогвардейскую позицию встает и Эмбенский районный съезд железнодорожных служащих, принимая резолюцию с протестом против забастовки[2].

Во всей дутовской авантюре наиболее гнусную, предательскую роль сыграли меньшевики и эсеры. Рабочие и солдаты отвернулись от них и целиком поддерживали большевиков. Перевыборы в советы в Оренбурге показали полную гегемонию большевиков в рабочем классе и солдатских массах. И «социалистическим» партиям, на словах защищавшим социализм и демократию, а на деле борющимся с пролетарской революцией, ничего не оставалось делать, как открыто перейти на службу к махровой контрреволюции, к казацкому атаману Дутову.

«Разбитые наголову меньшевики и эсеры уходят на окраины, объединяются там с контрреволюцией, заключают союз с империализмом и объявляют войну Советской России», — так определяет контрреволюционную роль меньшевиков и эсеров товарищ Сталин[3].

Именно такова была роль этих «социалистических» партий и в Оренбурге в момент выступления Дутова. Видный оренбургский эсер, городской голова Барановский, выступая с «приветствием» на заседании войскового круга Оренбургского казачьего войска, 7 декабря 1917 г. говорил:

[1] Газ. „Южный Урал" № 50 от 17 ноября 1917 г.
[2] Газ. „Южный Урал" от 22 ноября 1917 г.
[3] Сталин, „За два года"—„Жизнь национальностей" № 3(16) за 1919 г.

«Когда до нас дошла волна большевистского мятежа, мы стояли на краю пропасти. Был момент, когда власть могла и здесь, в Оренбурге, перейти к большевикам. Они уже организовали здесь свой военно-революционный комитет. Но в этот момент мы, представители города, встретили, депутаты круга, вашу поддержку и решили объявить большевикам войну. Мы организовали здесь комитет спасения родины и революции, куда вошли представители войскового правительства и в лице их, наших избранников, в лице нашего атамана мы нашли поддержку и помощь»[1].

Эта «поддержка и помощь» казацкого атамана выразилась в разгроме военно-революционного комитета и совета, в аресте и в зверских избиениях виднейших оренбургских большевиков, в разгоне силой казацких нагаек и юнкерских штыков собраний рабочих и солдат. Эсеры и меньшевики «гордились» этой своей контрреволюционной ролью, своим союзом с атаманом Дутовым.

25 декабря «комитет спасения родины и революции» постановил: «открыть оренбургский военный округ и звание командующего округом поручить войсковому атаману А. И. Дутову»[2], очевидно в награду за его энергичную контрреволюционную работу. Эсеры, руководящие комитетом спасения, всячески стараются поднять авторитет казацкого дутовского белогвардейского войска, представить его в качестве борца за «свободу» и «демократию». На заседании казачьего войскового круга 20 декабря эсеры в своих выступлениях-приветствиях кругу протестовали против «клеветы» на казачество, против обвинения его в контрреволюционности. Они заявляли, что казачество борется «за власть учредительного собрания, за свободу».

Оренбургские «социалисты» приняли активнейшее участие в вооруженных боях с советскими войсками. Ими был организован добровольческий «отряд социалистов-революционеров и социал-демократов», являвшийся одной из надежнейших опор Дутова.

---

[1] Газ. „Оренбург. земск. дело" № 97 от 15 декабря 1917 г.
[2] Газ. „Оренбург. земск. дело" от 26 декабря 1917 г.

Формально власть в Оренбурге принадлежала эсеро-меньшевистскому «комитету спасения родины и революции», развернувшему свою деятельность под флагом «защиты демократии», защиты учредительного собрания, от «узурпаторов большевиков». Фактически же была установлена диктатура Дутова, в руках которого «демократические» и «социалистические» партии были простыми пешками. История дутовской авантюры оправдала слова Ленина о том, что «не может быть никакой речи о демократии вообще во время обостренной борьбы буржуазии с пролетариатом».

«Середины нет,— писал В. И. Ленин:— О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот»[1].

Дутовская авантюра была именно такой «диктатурой буржуазии, прикрытой пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами». 22 декабря Дутов объявил оренбургское войсковое казачье правительство «единственной властью на всей территории Оренбургского казачьего войска». Тем самым он ограничил сферу власти комитета спасения лишь городом Оренбургом. А так как в городе военные силы — казачьи, юнкерские и офицерские части — находились под командованием Дутова, то и в Оренбурге комитет спасения был лишь фикцией, демократической ширмой, прикрывавшей контрреволюционную диктатуру Дутова. В своем стремлении прикрыть «социалистической» фразеологией и демократической ширмой истинную классовую сущность контрреволюционной дутовской диктатуры эсеры дошли до созыва подтасованных ими представителей советских организаций.

В январе ими созывается «учредительный съезд представителей общественных организаций Тургайской области», на котором... отсутствуют представители такой крупнейшей

---

[1] **Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 436.**

в области организации, как Оренбургский совет рабочих и солдатских депутатов. Следует говорить именно об отсутствии представительства Оренбургского совета, так как после его разгрома дутовцами легально под именем совета собиралась на заседания кучка меньшевиков и эсеров в 50 чел. из 390 членов совета. Эту кучку самозванцев, составляющих лишь 12 проц. числа членов совета, конечно, нельзя признать за организацию, имевшую право на представительство от лица оренбургских рабочих и солдат. Остальные члены совета, составлявшие 88 проц. его состава, в это время или сидели в дутовской тюрьме или вели подпольную работу[1]. Этот «съезд», совместно с подтасованным эсерами и меньшевиками самозванным «исполнительным комитетом Тургайского областного совета крестьянских, киргизских, рабочих и солдатских депутатов», обратился с особой декларацией к населению области и всей российской республики.

Всячески ругая большевиков за разгон учредительного собрания, за захват власти и т. д., съезд в декларации объявляет о переходе верховной государственной власти в руки исполкома, а на местах — в руки местных советов крестьянских, киргизских, рабочих и солдатских депутатов[2]. Эсеры, возглавлявшие исполком, видя возрастающую популярность большевистского лозунга «вся власть советам», попытались использовать этот лозунг с тем, чтобы еще раз обмануть массы. Однако им это не удалось. Массы уже поняли истинную классовую сущность их позиции, как партии, расчищающей дорогу контрреволюции. Эсеровский исполком никакой самостоятельной роли в ходе дальнейших событий не сыграл и никакой «верховной властью» никогда не был. Налицо была борьба озверелой контрреволюционной буржуазии и помещиков против победившей диктатуры пролетариата. В этой борьбе эсерам и меньшевикам досталась жалкая роль: пышными фразами о свободе, народовластии, учредилке прикрыть буржуазную диктатуру казацкого атамана.

Дутов лихорадочно собирал свои контрреволюционные военные силы. Костяком этих сил, их главным ядром явля-

1 „Извест. Челяб. воен.-рев. к-та“ № 31 от 19 января 1918 г.

2 Газ. „Известия Тургайск. испол. комит.“ № 1 от 15 января 1918 г.

лись офицеры, юнкера и кадеты, которых насчитывалось в Оренбурге к этому моменту до 3000 чел. Их массовой базой являлось казачество стоявших в Оренбурге казачьих частей, в частности 1-й запасный казачий полк и 13-я казачья батарея. Из станиц стекались казаки-добровольцы и казаки, мобилизованные станичными атаманами. В составе этого дутовского войска преобладали зажиточные пожилые казаки «лет по 40 и больше»[1] и казацкие урядники, надеявшиеся быстрыми боевыми успехами в борьбе с красногвардейцами заслужить производство в офицеры. Казацкая беднота и молодежь, будучи в большей степени спаяны с солдатской массой, постепенно проникались революционными настроениями, и если активно еще не выступали против Дутова, то всячески уклонялись от мобилизации и в дутовские отряды не шли.

«Социалистический» комитет спасения родины и революции поручил бывшему начальнику жандармского отделения Орской железной дороги, подполковнику Дубиченскому, формировать отряды «белой гвардии». Жандарм-подполковник «энергично» взялся за дело, привлекая в свои отряды добровольцев из среды буржуазной молодежи, гимназистов, служащих. Для несения военной охраны по городу «комитет» мобилизовал служащих всевозможных учреждений Оренбурга и обратился с воззванием к спортсменам-лыжникам принять участие в борьбе с большевиками, организовав отряд лыжников.

Вооружение и снаряжение дутовских войск было поставлено в этот момент значительно лучше, нежели у красных. Помимо ограбления оренбургских военных складов, Дутов сумел еще в первых числах ноября захватить из троицких складов около 100 подвод обмундирования, винтовок, пулеметов и бомбометов.

В результате у Дутова образовался крепкий белогвардейский отряд в 6—7 тысяч людей, уже обученных военной службе. С этим отрядом Дутов и развернул борьбу с красными войсками.

---

[1] Газ. „Вольный Урал" № 39 от 25 декабря 1917 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ НА БОРЬБУ С ДУТОВЫМ

В противовес Дутову под руководством большевистских организаций была развернута широкая работа по собиранию революционных красногвардейских отрядов. Весь революционный пролетарский Урал горячо откликнулся на призыв оренбургских рабочих о помощи. По заводам Урала прокатывается полоса митингов, принимающих резолюции о необходимости скорейшего разгрома поднявшей голову контрреволюции, угрожавшей жизненным центрам республики. Рабочие шлют проклятья контрреволюционерам Дутовым, Корниловым, Калединым, выражают сочувствие и свою товарищескую солидарность бастующим оренбургским рабочим, отчисляют в их пользу часть своего заработка. Под лозунгом борьбы за власть советов, тут же на собраниях рабочие выделяют из своей среды красногвардейские отряды для посылки их на борьбу с Дутовым[1]. Они единодушно заявляют о своей готовности с оружием в руках бороться с врагами пролетариата. Особенно беспокоятся рабочие за судьбу арестованных оренбургских большевиков. Всеобщее негодование вызывают те избиения и издевательства, которым подвергались тов. Цвиллинг и др. большевики.

Южноуральский краевой съезд советов, происходивший

---

[1] Такие резолюции были приняты 2000 горнорабочих Таналыково — Баймакского совета, рабочими Коршуновских копей, Ревдинским, Миньярским, Уфалейским, Аша-Балашовским заводами, железнодорожниками ст. Козырево, Баскаковскими копями, Мотовилихой, Лысьвой, заводами Тагила, Уфы, Екатеринбурга, Перми и т. д.

в Челябинске 27 ноября, от имени представленных на нем советов[1] телеграфно потребовал от оренбургского «комитета спасения родины и революции» немедленного освобождения всех арестованных большевиков. Волна рабочего негодования действиями дутовцев была настолько грозна, что «комитет спасения» вынужден был предложить части арестованных свободу. Но эти товарищи не захотели уйти из тюрьмы, оставив в ней более видных большевиков, которых дутовцы не хотели освобождать. «Комитету спасения» пришлось телеграфировать съезду:

«Большая часть арестованных, за исключением некоторых лиц, может быть освобождена немедленно. Заключенные требуют освобождения всех, иначе отказываются покинуть тюрьму. Освобождение всех невозможно».

Даже меньшевистско-эсеровский, дутовский комитет вынужден был пойти на уступки, почувствовав, насколько мощна волна негодования уральского пролетариата его действиями. Екатеринбург, Уфа и Пермь — эти важнейшие центры Урала — развернули особенно энергичную работу по комплектованию красногвардейских отрядов на борьбу с Дутовым. Уральский областной совет выпустил воззвание к местным советам и к рабочим и крестьянам, в котором призывал их к «беспощадной борьбе с казачьей бандой».

Первая уральская областная конференция фабзавкомов обратилась с призывом к трудящимся области: «положить конец контрреволюционным махинациям банды буржуа и помещиков».

О том, насколько велик был подъем, охвативший уральских пролетариев, желающих немедленно итти на борьбу с Дутовым, рассказывает тов. Авдеев в своих воспоминаниях. Когда по заводам Екатеринбурга, и в частности на заводе Злоказова, были устроены митинги и открыта запись добровольцев итти на дутовский фронт, то «желали итти и уничтожать генерала Дутова с его бандой почти все способные и не спо-

[1] Представлены на съезде были: Екатеринбург, Челябинск, Сызрань, Самара, Кустанай, Миасс, Мишкино, Омск, Курган, Кыштым, Верхнеуральск, Златоуст, Уфа, Миньярский завод, Кыштымские копи, Белорецк и др. (Уралпартархив—папка № 71).

собные носить оружие». Приходилось даже бросать жребий между желающими отправиться на фронт, т. к. «все хотели принять участие в вооруженной борьбе с врагом и не хотели оставаться». Обычно, как только заводские рабочие организации получали от губернских или областных организаций сведения о необходимости выделения красногвардейских отрядов для борьбы с Дутовым, они в тот же день созывали рабочий митинг, выделяли добровольцев, обмундировывали и снаряжали их и, немного подучив военному искусству, посылали на фронт.

Особенно быстро высылались красногвардейские отряды с заводов Уфимской губернии, где под руководством старого большевика тов. Эразма Кадомцева еще в 1905 г. была создана стройная система рабочих боевых дружин, восстановленных в 1917 г. под названием «боевых организаций народного вооружения». Так, на Аша-Балашовском заводе 26 декабря был получен от Уфимского революционного комитета запрос о высылке поддержки отрядам, посылаемым Самарой на борьбу с Дутовым. И в тот же день большевик Иван Осокин провел собрание боевой дружины, которая и выделила 30 добровольцев. Отряд тотчас же получил обмундирование и снаряжение и выехал на позиции.

В самый напряженный момент борьбы с Дутовым, 2 января 1918 г., Уфимский революционный комитет, не дожидаясь каких-либо указаний центра, по своей инициативе постановил «объявить мобилизацию для отбывания красногвардейской повинности среди всего рабочего населения, фабрик и заводов, находящихся в пределах Уфимской губернии»[1].

В такой обстановке революционного кипения рабочих масс, их готовности броситься на борьбу с дутовскими казацко-офицерскими отрядами стал развертывать свою деятельность тов. Кобозев П. А. Он был назначен Совнаркомом чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии и Тургайской области и начальником Ташкентской железной дороги. В его распоряжении не было, однако, ни готовых войск, ни боевого

[1] Газета „Вперед" от 3 января 1918 г.

снаряжения и обмундирования, ни денег. С самого начала приходилось на месте изыскивать нужные средства, подбирать людей, комплектовать отряды, вооружать их и снабжать продовольствием.

Царская армия разложилась. Красногвардейские отряды только начали оформляться в устойчивые боевые единицы. В глазах солдатской массы старая палочная, офицерская дисциплина уже отмерла, а новая, сознательная революционная дисциплина преданности пролетарской революции лишь начинала складываться. Солдатские гарнизоны быстро таяли. Крестьяне-солдаты стали стихийно демобилизоваться, торопясь быстрее реализовать завоевания революции — делить помещичью землю. В то же время победившая пролетарская революция в ряде мест встречала консолидацию контрреволюционных сил, попытку организации контрреволюционных выступлений. Поэтому расположенные в этих городах местные солдатские гарнизоны не могли быть переброшены на борьбу с Дутовым. Они нужны были для борьбы с контрреволюцией на месте. Так было, например, в Сызрани. Там тов. Кобозев рассчитывал получить воинские силы для комплектования своих отрядов. Но гарнизон оказался крайне малочисленным и смог выделить на борьбу с Дутовым лишь небольшой отряд в 120 кавалеристов — бывших царских улан.

С таким малочисленным отрядом начинать борьбу с Дутовым, конечно, было нельзя. И тов. Кобозев на пути от Самары к Оренбургу, совместно с местными большевистскими и советскими организациями, энергично принялся за мобилизацию местных революционных сил. Был тотчас же вооружен солдатский гарнизон, разоруженный местными офицерами. По всем воинским частям была проведена выборность командного состава. Надо было в первую очередь изъять, удалить из частей контрреволюционных офицеров, могущих пойти на предательство революционных войск.

Надо было преодолеть саботаж со стороны буржуазной части бузулукских служащих, которые на своем собрании 14(27) декабря постановили: «в случае насилия со стороны

большевиков по отношению служащих или руководителей учреждений — немедленно прекратить работу во всех учреждениях».

В противовес этому контрреволюционному саботажу буржуазных подголосков тов. Кобозев в двадцатых числах декабря созывает делегатский (третий) съезд рабочих и служащих Ташкентской железной дороги. Съезд всецело проходит под руководством большевиков и решительно высказывается за пролетарскую революцию, за поддержку власти советов, за разгром дутовской контрреволюции.

По вопросу о всеобщей забастовке рабочих и служащих Оренбурга и Ташкентской и Орской ж. д. съезд «призывает всех бастующих рабочих, мастеровых и служащих продолжать забастовку до окончательной победы над врагами рабочего класса».

Съезд заявляет, что «против неприкосновенной воли народа бессильны происки контрреволюционеров. Они будут сметены с лица земли великой революцией». Съезд шлет братский привет всем бастующим и принимает решение о создании Красной гвардии для борьбы с контрреволюцией.

Этот съезд имел большое революционное значение. Он помог большевикам противопоставить контрреволюционерам, саботажникам организованную революционную массу железнодорожников.

На собраниях бузулукских железнодорожников-рабочих был брошен клич об организации Красной гвардии. Железнодорожники с энтузиазмом отозвались на этот призыв. Красногвардейские отряды железнодорожников явились пионерами, начавшими борьбу с дутовщиной. На месте же изыскивались денежные средства для организации красногвардейских отрядов.

Оренбургская губерния и Тургайская область тов. Кобозевым были объявлены на осадном положении. В противовес поддерживавшему Дутова управлению Ташкентской ж. д., находящемуся в Оренбурге, в Бузулуке было организовано новое, советское управление дорогой. Все районы линии Ташкентской ж. д. известили тов. Кобозева о признании его начальником дороги и о подчинении его распоряжениям.

Всякие грузы, идущие в Оренбург, железнодорожниками задерживались, и Дутов быстро был изолирован.

В организации борьбы с Дутовым непосредственное руководство приняли тт. Ленин и Сталин. 26 ноября (9 декабря) к В. И. Ленину явилась делегация оренбургских железнодорожников с просьбой о помощи против Дутова. Ленин тотчас же пишет следующую записку:

«В штаб — Подвойскому или Антонову.

Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется экстренная военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить практически поскорее. А мне черкнуть, как решите. Ленин»[1].

Тотчас же было отдано распоряжение о посылке на борьбу с Дутовым эшелона в 400 человек матросов с линейных кораблей «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» и солдат 17-го стрелкового полка под общим командованием мичмана тов. Павлова, при комиссаре Щекине. Эшелон направился в Челябинск.

Таким образом Челябинск, наряду с Бузулуком, явился первым плацдармом, с которого развернулись боевые действия красных отрядов против дутовщины.

---

[1] Журнал „Война и революция", кн. 2 за 1927 г.

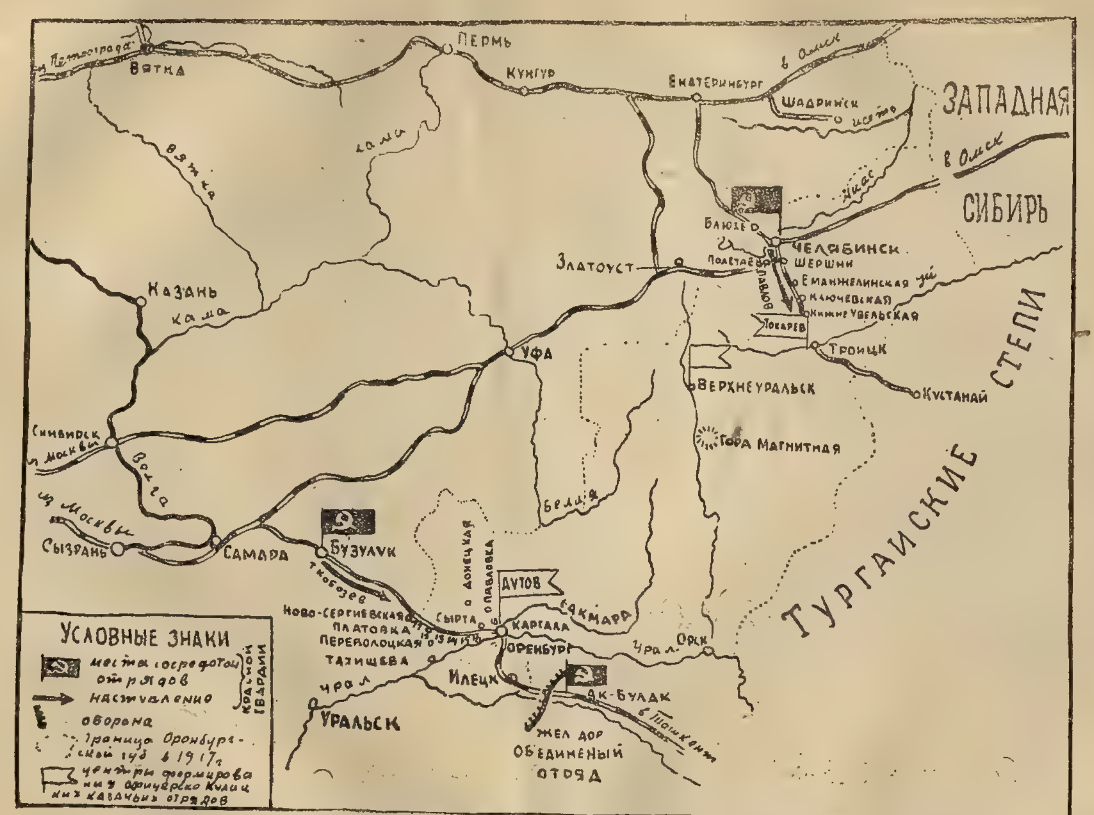

Схема расположения фронта военных действий по борьбе с дутовщиной в декабре 1917 г. и январе 1918 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В ЧЕЛЯБИНСКЕ И ТРОИЦКЕ

К 20 ноября (3 декабря) в Челябинск прибывает помощь из Самары — сводный отряд солдат Самарского запасного пехотного полка в 500 штыков с артиллерийской батареей из 8 трехдюймовых орудий. Во главе отряда стояли военком тов. Блюхер и б. полковник старой армии Есь. Тов. Блюхер — рабочий, унтер-офицер Самарского полка — сразу выдвинулся, как один из первых талантливых пролетарских командиров, вышедших из рабочей среды. Обладая способностью быстро ориентироваться в создавшейся обстановке, тов. Блюхер быстро развернул работу по формированию стойких, дисциплинированных, красногвардейских частей.

Прибытие отряда тов. Блюхера сразу же изменило соотношение сил в Челябинске. Власть эсеро-кадетской городской думы никаким авторитетом в массах не пользовалась и держалась лишь постольку, поскольку над Челябинском висела угроза вооруженного разгрома контрреволюционными частями троицкого казачества.

Поэтому, тотчас же по прибытии самарского отряда, 20 ноября, созывается объединенное собрание советов, полковых и ротных комитетов, центрального бюро профсоюзов, районного ж.-д. комитета. 223 голосами при 2 воздержавшихся собрание постановляет: «власть в Челябинске и в его окрестностях переходит в руки Советов Рабочих и Солдатских депутатов»[1].

---

[1] „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 1 от 26 ноября 1917 г.

На собрании избирается военно-революционный комитет, председателем которого был выбран тов. Галактионов. В состав комитета входит тов. Блюхер.

Городская эсеро-кадетская дума, чувствуя свое бессилие, вынуждена была уйти со сцены без сопротивления.

Думские деятели, конечно, не отказались от борьбы. Они шлют гонцов к Дутову за помощью, организуют в Челябинске контрреволюционный саботаж.

Вскоре, в связи с выбытием тов. Галактионова, председателем военно-революционного комитета избирается тов. Блюхер.

Он вводит железный революционный порядок в Челябинске. Всякое передвижение воинских частей гранизона города берется в полное распоряжение военно-революционного комитета. Малейшие попытки к погромам и насилиям со стороны контрреволюционных элементов пресекаются в корне.

Челябинские капиталисты облагаются контрибуцией на сумму 100 000 рублей.

Деньги эти военно-революционным комитетом используются на укрепление советской власти и на организацию Красной гвардии.

30 ноября (13 декабря) организуется штаб главнокомандующего вооруженными силами города. Главнокомандующим назначается К. А. Садлуцкий, начальником штаба — тов. Блюхер и членами — Крылов, Евтеев и Лепишков.

Восстановление власти советов восторженно встречается челябинскими рабочими. Солдаты 109-го полка также приветствуют власть советов[1]. Под руководством тов. Блюхера вновь вооружаются красногвардейские отряды, бывшие до этого в подполье, и солдатский гарнизон.

«Мастеровые рабочие и служащие челябинского участка Омской ж. д., в числе 400 человек, объявляют себя красногвардейцами и заявляют, что всегда готовы встать на стражу и защиту революции с оружием в руках и отразить гнусный замысел казачьих офицеров и есаулов против революции», — заявили железнодорожники.

---

[1] Газ. „Союзная мысль“ от 21 ноября 1917 г.

Обеспокоенный прибытием в Челябинск воинских советских частей, глава троицких казаков, атаман 3-го отдела Оренбургского казачьего войска телеграммой запрашивает Челябинский совет — правда ли, что в Троицк идет из Уфы карательный отряд советских войск с артиллерией? Атаман просит принять делегацию троицких казаков для переговоров.

Эта делегация троицкого казачьего войска являлась не чем иным, как шпионской разведкой троицких контрреволюционеров. Троицкому реакционному казачеству нужно было разузнать, насколько велики воинские силы в Челябинске, и оттянуть наступление советского отряда на Троицк.

Переговоры Челябинского совета с казачьей делегацией привели лишь к временному перемирию. Казаки пытались доказать, что они имеют право на захват власти в Троицке, т. к. де это — территория казачьего войска.

Советский отряд перейти сразу в наступление на Троицк не мог, т. к. для этого было еще недостаточно накоплено сил.

Постепенно в Челябинск со всех концов Урала прибывают красногвардейские отряды: из Уфы — рабочая дружина в 400 человек, из Перми и Мотовилихи — красногвардейские отряды в 300 штыков, из Омска — две пулеметных команды, из Кунгура — пехотный отряд и т. д., всего до 2 000 красногвардейцев. Помимо этого, челябинские рабочие выделяют красногвардейский отряд в 300 человек. Под руководством тов. Блюхера приводится в боеспособное состояние челябинский солдатский горнизон 109-го и 163-го полков. Наконец, прибывает «северный летучий отряд» матросов и солдат 17-го стрелкового полка под командованием тов. Павлова (задержавшегося в дороге в связи с тем, что он следовал через Пермь, а не более близким путем — через Уфу).

Советские отряды, получив такое мощное подкрепление, каким являлись питерские матросы, с 20 декабря переходят под командованием тов. Павлова в наступление на Троицк. На 6-й версте от Челябинска, близ разъезда Шерстни, происходит первая встреча с казаками. Замеченная красными войсками казачья разведка обстреливается матросами и отступает. Под станцией Полетаево происходит первый бой с казаками. Не выдерживая стремительного натиска красных

отрядов, казаки отступают к станции Еманжелинской. Здесь развертывается главный бой советских отрядов с троицкими казаками. Советские войска — матросы, рабочие и солдаты — были объединены единой волей, единым желанием разгромить контрреволюцию и вновь водрузить советское красное знамя в Троицке. В среде же казаков уже началось разложение, раскол. Трудовая часть казачества — казачья беднота — стала постепенно уяснять истинную сущность контрреволюционной политики своих кулацко-офицерских заправил. Поэтому в казачьих войсках не было того единодушия, какое царило в красных отрядах. В результате бой под станцией Еманжелинской быстро кончается решительной победой красных, и 24 декабря (6 января) станция была занята красногвардейцами.

Озлобленные казаки, отступая, сняли и испортили на станции телеграфные и телефонные аппараты, разгромили водокачку, разобрали ж.-д. путь, взорвав ж.-д. полотно. Однако это не задержало наступления отрядов тов. Павлова. Станция Нижне-Увельская была занята после боя в тот же день, 24 декабря.

А в ночь с 24 на 25 декабря красными войсками, после небольшого боя с казаками, был занят и Троицк. В бою под Троицком было взято в плен около 300 казаков.

Паника казаков перед наступлением красных отрядов, во главе которых шли матросы, была настолько велика, что вокзал и город были заняты красными отрядами без какого-либо сопротивления. Натиск красных отрядов был стремителен. Когда утром 25 декабря матросы заняли вокзал и оцепили город, часть казаков не успела бежать. Напуганные разными небылицами об ужасах и зверствах, которые, якобы, творят большевики с пленными, казаки, чтобы не попасть в плен к матросам (их они особенно боялись), переодевались в женские, татарские и киргизские костюмы и пытались выехать из города [1].

Но миновать красногвардейских пикетов им не удалось, и их маскарад доставил много веселья матросам и красногвар-

---

[1] Уралпартархив, д. № 51, „Дутовщина на Урале“.

дейцам. Пленные казаки были собраны у штаба «Северного летучего отряда». После допроса руководители отряда провели с казаками беседу, разъясняя им цели и задачи пролетарской революции и советской власти и классовую сущность дутовской контрреволюции. Казаки призывались к переходу на сторону советской власти, к борьбе со своим кулацко-офицерским начальством, к организации советов и групп трудового казачества и распускались по домам.

Революционные красногвардейские отряды побеждали не только снарядами, пулями и штыками, но и большевистским словом, революционной агитацией, пропагандой. И эта большевистская агитация была не менее мощным орудием, нежели пули. Рассыпавшиеся по станицам казаки-бедняки всюду разносили весть о том, что большевистские красные отряды являются отрядами, несущими освобождение трудовому народу. Тем самым рассеивались те небылицы, которые распространялись о большевиках контрреволюционным офицерством о том, что большевики, якобы, «казаков убивают, женщин и девушек насилуют», что «не подчинившиеся советской власти казачьи поселки большевиками предаются огню и мечу». В корреспонденции о троицких событиях в «Правде»[1] указывалось, что «казачество, разъезжая по поселкам, вполне довольно поворотом дела и высказывает проклятье атаманам, державшим их в неведении и снабжавшим их об октябрьских событиях фальсифицированными фактами». В царстве контрреволюционного казачьего офицерства и кулачества до казацкой массы «ни газеты, ни письма не доходили».

Красным войскам удалось арестовать лишь трех главарей троицкой казачьей контрреволюции[2]. Почти вся контрреволюционная головка (и в частности штаб) успела до прихода красных заблаговременно бежать и вновь стала группироваться в 45 верстах от Троицка, в поселке Кособродском, в котором были сильны контрреволюционные настроения у казачества.

---

[1] „Правда" № 8 от 25(12) января 1918 г.

[2] Газ. „Уральский рабочий" № 3 от 5 января 1918 г.

Победившие советские отряды энергично занялись укреплением советской власти в Троицке. 26 декабря был издан за подписями начальника 1-го северного летучего отряда тов. Павлова, комиссара штаба тов. Аппельбаума и председателя центрального комитета отряда тов. Мартынова приказ № 1. В нем объявлялось населению, что «управление городом перешло в руки Совета Рабочих и Солдатских депутатов». «Главной задачей прибывших правительственных отрядов моряков, солдат и красногвардейцев,— разъяснялось в приказе,— является восстановление советской власти, беспощадная борьба с контрреволюцией и доставка и обеспечение продовольствием фронта и столицы, а также реквизиция и обнаружение съестных припасов, спрятанных с целью спекуляции». Приказом устанавливалась суровая революционная дисциплина. За самочинные обыски, конфискации, реквизиции и какие-либо насилия над гражданами «революционный отряд к виновным будет применять скорый и строгий суд, вплоть до расстрела»,— сурово по-революционному объявлял приказ.

Красное знамя советов вновь взвилось над Троицком.

«Граждане города Троицка, сохраните полное спокойствие и порядок. Революционные отряды правительства Совета Народных Комиссаров прибыли к вам восстановить ваши права и провести в жизнь лозунги свободной России»[1].

Так выполнялся Северным летучим отрядом боевой приказ Владимира Ильича.

---

[1] Приказ начальника 1-го северного летучего отряда тов. Павлова от 27 декабря „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 16 за 1917 г.

ДУТОВ И УГНЕТЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Февральская буржуазно-демократическая революция, всколыхнувшая с небывалой в истории силой национальное движение угнетенных окраин, вызвала мощный подъем борьбы за национальное освобождение и среди казахской нации.

Казахи являлись одной из самых отсталых народностей, населявших б. Российскую империю. Пролетарской прослойки в их среде почти не было. К 1920 г. процент горожан среди казахов выражался цифрой лишь 1,3 проц. Грамотность даже в 1924 г. достигала цифры лишь от 1 до 4 проц.

Преобладающей формой хозяйства у казахов было примитивное скотоводство с продолжительным откочевыванием. К 1922 г. казахи, составлявшие в Казахской АССР 50 проц. населения, засевали лишь 21 проц. обрабатываемой земли.

Зависимость от богачей-баев, патриархально-феодальный гнет, сохранение средневекового уклада, с враждой родов, незначительность классовой диференциации в среде самих казахов — вот что было типичным для дореволюционного Казахстана.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Нако-

нец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда в враждебные отношения ко всему русскому»[1].

Эти слова товарища Сталина целиком подтверждаются примером Казахстана. Здесь в национальном движении казахов руководящую роль играли буржуазно-националистические и байские элементы. Под их руководством, тотчас же после Февральской революции, созываются многочисленные национальные казахские съезды и совещания, на которых, в силу слабости пролетарской прослойки среди казахов, руководящую роль играет буржуазная казахская интеллигенция и байство. Национально-освободительное движение казахов развертывается под лозунгами национального самоопределения, территориальной автономии, создания национального правительства, прекращения колонизации, создания национальной школы, суда, милиции и т. д.

Но господство империалистского временного правительства, ведущего борьбу с национальным движением окраин, привело к тому, что решения как первого казахского съезда (апрель 1917 г.), так и второго съезда (июнь 1917 г.) не могли дать каких-либо положительных результатов в деле национального раскрепощения казахов. Лишь пролетарский Октябрь мог принести казахскому народу долгожданное национальное освобождение. Но руководившие казахским движением буржуазные и мелкобуржуазные националисты пытались использовать борьбу трудящихся казахских масс за свое освобождение в интересах эксплоататорских казахских классов, в союзе с российской империалистической буржуазией, помещиками и белогвардейщиной.

5—13 (18—26) декабря 1917 г. в Оренбурге (бывшем тогда столицей дутовщины), по инициативе буржуазных националистов Букейханова, Байтарсунова, Дулатова и др., созывается третий общеказахский национальный съезд. Открытое влияние большевиков на этот съезд, в связи с гос-

---

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1934 г., стр. 61.

подством Дутова в Оренбурге, было устранено. Съезд всецело прошел под руководством буржуазной националистической партии «Алаш-Орды».

Решение об организации этой партии было вынесено на июньском казахском (киргизском) съезде 1917 г., а уже к ноябрю 1917 г. эта партия имела программу, свой печатный орган, газету «Казак», центральный комитет, губкомы (например, в Семипалатинской губернии) и сеть партийных организаций на местах.

По своей политической ориентации партия «Алаш» приближалась к позиции российских кадетов. На программе «Алаш» ярко выявляется ее буржуазно-байская сущность. Сказывается также и наличие известной политической неискушенности, являвшейся следствием отсутствия опыта длительной школы политической борьбы.

«Россия должна стать демократической федеративной республикой», заявляет программа. «Каждое отдельное государство в федеративной республике автономно и управляется само собой на одинаковых правах и интересах. Во главе правительства стоит учредительное собрание, в промежутках президент, избираемый на известный срок учредительным собранием и государственной думой. Президент управляет через совет министров, ответственный и перед учредительным собранием и государственной думой. Законодательная власть сосредоточена в руках только государственной думы, которой принадлежит право контроля над правительством». «Все существующие земства сохраняются в прямом виде»[1].

Партия «Алаш», пытаясь дать в своей программе схему буржуазного государства, допускает ряд путанных положений. Учредительное собрание в программе выступает как орган постоянно существующий, а не как орган, лишь определяющий формы государственного порядка. На ряду с учредительным собранием, по мнению этой партии, должна существовать государственная дума, как законодательное учрежде-

---

[1] Программа напечатана в газ. „Казак“ от 21 ноября 1917 г. (Оренбург — Семипалатинск).

ние. Остается неясным разграничение функций между думой и учредительным собранием. Отражением байских интересов в программе является оставление «в прямом виде» существующих земств, этих учреждений, оставшихся от старого монархического, помещичьего строя.

На ряду с таким, безусловно, байско-буржуазным, хотя и путанным, разрешением вопроса о государственном устройстве, партия «Алаш» лицемерно заявляла в своей программе: «Бедных партия называет и считает товарищами, мироедов — врагами». Лицемерность этого заявления четко вскрывается следующим буржуазным, типично-хозяйским положением: «служащие никуда не могут отлучиться без разрешения хозяина».

Вместо обычного для буржуазии прикрытия истинной сущности капиталистической эксплоатации рассуждениями о «свободном» непринужденном найме и т. д., эта партия открыто защищает капиталистическое рабство, декларируя в своей программе полную зависимость служащего, т. е. рабочего, от хозяина.

Характерной чертой партии «Алаш» являлась попытка продолжать старую царистскую политику культивирования патриархально-феодального гнета. Это нужно было для того, чтобы сохранить союз буржуазии с байством и держать массы в рабстве и невежестве.

Программа этой партии заявляла, что «судимость и суд у каждого народа должны быть сообразно обычаю», — что «суд в степи должен происходить по всем обычаям и правам народа». А ведь именно в степи байские суды жестоко эксплоатировали трудящихся казахов, целиком оправдывая казахскую пословицу: «с сильными не боритесь, с богатыми не судитесь».

Эта же линия на культивирование феодальных пережитков сказывалась в разрешении партией «Алаш» религиозного и аграрного вопросов. Капитулируя перед муллой и стремясь сохранить такое сильное орудие порабощения эксплоатируемых масс, каким была религия, партия объявляла:

«У киргиз отдельный муфтий. Записи браков, рождений и смертности, развода остаются у киргизских мулл». Байская партия подчеркивает свою религиозность, свое при-

знание бога, заявляя, что «после бога самыми сильными являются судьи».

Аграрный вопрос для Казахстана играл исключительно важное значение. Зверская колонизация дореволюционной Киргизии царским правительством привела к насильственному захвату колонизаторами, и в частности царским казачеством, 17 млн. десятин лучшей земли. Оставшаяся в распоряжении казахского населения земля распределялась между группами родов и внутри родов крайне бессистемно, беспорядочно. Это вызывало систематические раздоры родов и их борьбу между собой за землю. Конечно, все лучшие земли принадлежали байству, а на худших, на солончаках, ютилась казахская беднота. Все это освящалось упрочившимися привычками, традиционными родовыми скрепами, пережитками феодализма — родовой идеологией. И вместо того, чтобы развернуть в интересах казахской бедноты борьбу с байством, программа партии «Алаш» требует: «пользование землей должно происходить так, чтобы районы и аулы пользовались землей родами».

Следовательно, программа делала попытку консервировать существовавшие в то время в ауле полуфеодальные социально-экономические взаимоотношения, упрочить господство национальной казахской буржуазии и байства.

После Октября партия «Алаш» занимает непримиримо-враждебную позицию по отношению к победившей пролетарской революции. Газета «Казак»[1] так рисует пролетарский Октябрь: «выйдя на свободу, уголовные преступники под флагом большевиков увеличивают толпу бастующих. Многие сторонники старого правительства, не будучи в состоянии итти против свободы, подливают масла в огонь. Вот все эти люди, хватаясь за полы большевиков, в конце октября заняли Петербург, арестовали министров и посадили во главе власти Ленина... залили кровью улицы Петербурга, бросили огонь на всю Россию». Газета пытается таким путем, самой наглой, фантастической ложью, задержать рост классового самосознания казахов-трудящихся.

[1] Газ. „Казак“ № 248 от 28 ноября 1917 г.

Поэтому немудрено, что третий казахский съезд, проходивший под руководством партии «Алаш», занял ярко выраженную контрреволюционную позицию.

Октябрьскую пролетарскую революцию съезд характеризовал как наступление анархии:

«Временное правительство пало и Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом. Анархия, волна за волной, заметает большие города и деревни по всему государству, анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казахи-киргизы... угрожает опасностью жизни и имуществу населения. Единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти».

И вот эта «твердая власть», т. е. власть контрреволюционная, казахской буржуазией, собравшейся на свой третий съезд, и была найдена в лице Дутова.

Съезд постановил образовать территориально-национальную автономию областей с господствующим казах-киргизским населением (с утверждением конституции этой автономии Всероссийским учредительным собранием). В целях же «спасения» области Алаш (т. е. Казахстана) от «общего развала и анархии» съезд решил организовать временный совет (правительство) под названием «Алаш-Орда» из 25 членов. Но так как организацией этого правительства, очевидно, проблема «твердой власти» не могла считаться решенной, а «угроза» распространения большевизма в Тургайской области снятой, то съезд решил пойти с поклоном к «вождю» оренбургской контрреволюции полковнику Дутову. И уже 7 декабря, т. е. на 3-й день после открытия «общекиргизского» съезда, председатель последнего, Кульманов, выступил на открывшемся в тот же день войсковом круге Оренбургского казачьего войска с наглым контрреволюционным заявлением от имени съезда, что «киргизы не признают власти большевиков» и что они «готовы вступить с казаками в союз для защиты родины»[1].

---

[1] Газ. „Оренбургское земское дело“ № 97 от 15 декабря 1917 г.

Так образовался единый фронт великорусской контрреволюционной буржуазии, возглавляемой в Оренбурге Дутовым, с национальной казахской буржуазией и байством для борьбы против пролетарской революции. «Национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивающими вокруг себя все контрреволюционное в России»[1].

Этот подтасованный контрреволюционный третий съезд казахской буржуазии и байства вызвал взрыв негодования в среде казахской бедноты и пролетариата. В момент заседания съезда собралась мощная 10-тысячная демонстрация казахских бедняков и революционной молодежи. Демонстрация гневно протестовала против попытки съезда — объявить себя представителем казахского народа. Демонстрация решительно отмежевалась от контрреволюционных решений съезда и послала Совнаркому, Ленину и Сталину телеграмму, в которой вскрывала истинную, классовую, байскую сущность «Алаш-Орды» и подтасованного ею третьего съезда.

Казахская буржуазия и байство, собравшиеся на свой съезд, чувствовали, что массы казахской бедноты за ними не пойдут. И они поторопились поскорее воплотить свои мечты о развертывании вооруженной борьбы с советской властью, с большевиками, в реальные действия. Съезд выносит постановление об организации «народной» милиции. Что это была не столько милиция, сколько белогвардейская армия, об этом говорит и число намечавшихся милиционеров — 13 500 человек, и сама мотивировка необходимости создания этой армии: «Повсюду идут грабежи и убийства, как проявление всеобщего развала и анархии, которая может уничтожить казах-киргизский народ. Поэтому, во имя спасения от надвигающейся анархии, представляется необходимым организовать народную милицию».

Как известно, по мнению съезда, «анархию» внесли большевики, которые руководили пролетарскими массами, захватившими власть. Поэтому, очевидно, в первую очередь

---

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 54.

против этих «организаторов анархии», против большевиков, против казахской бедноты и пролетариата должна была развернуть свои боевые силы казахская «народная» милиция. Что эта милиция отнюдь не могла быть народной, а должна была быть буржуазной, белогвардейской наемной армией, об этом свидетельствуют принципы ее комплектования. По решению съезда, принятый в милиционеры по жребию мог вместо себя нанять другого. Фактически казахская буржуазия таким образом освобождалась от военной повинности, от службы в «милиции». Костяком же этой «народной» (т. е. буржуазной) казахской милиции должно было явиться белогвардейское офицерство, так как съезд решил, что для обучения милиционеров должны быть приглашены офицеры.

Конечно, Дутов не отказался от помощи казахской буржуазии. Позднее казахские воинские части были обильно снабжены белогвардейскими офицерами. Но оказать реальную вооруженную помощь Дутову в его борьбе с наступающими революционными, рабочими, красногвардейскими отрядами казахская буржуазия, до занятия красными Оренбурга, еще не успела,—таких вооруженных сил в ее распоряжении еще не было.

К этому моменту уже проявилось то отсутствие классового единства между «привилегированным казачеством» Урала, Оренбурга, с одной стороны, и «всем остальным населением окраин», о котором говорит тов. Сталин[1]. Дутов впоследствии на заседании войскового круга жаловался, что «мусульмане на фронт не пошли».

Классовый союз Дутова был не с национально-угнетенными трудящимися казахскими массами, а с национальной буржуазией, с байством. Последние, однако, в 1917 г. не смогли еще создать свои собственные буржуазные национальные военные части в Оренбургском районе.

Что же касается избранного на третьем казахском съезде «Временного народного совета» (т. е. правительства), то местом своего пребывания он наметил г. Семипалатинск, где и стал развертывать свою контрреволюционную работу.

[1] Сталин, К военному положению на Юге, „Правда“ № 293 от 28 декабря 1919 г.

И лишь на ташкентском фронте белогвардейцы-казаки сумели привлечь казахов к совместным боевым выступлениям против большевиков. Как сообщала белогвардейская дутовская газета «Оренбургский край»[1], «на юге казаки отозвались живее и вместе с киргизами уже выступили на борьбу с противником (т. е. с красными войсками — С. П.), действуя как на его тыл, так и на главные силы». Однако ташкентский фронт решающей роли в борьбе Дутова с советами не имел. Победа красногвардейских отрядов под Оренбургом обеспечила и победу на ташкентском фронте.

Помимо попыток использовать в своих контрреволюционных целях национальное движение казахов, Дутов пытался, опираясь на башкирскую буржуазию и кулачество, привлечь на свою сторону и башкирское население края.

Движение башкир широко развернулось под лозунгом ликвидации национального гнета тотчас же после Февральской революции 1917 г. Веками угнетавшиеся царизмом башкиры поднялись против своих угнетателей.

Но, как и в среде казахов-киргиз, движение среди башкир, вследствие слабости классовой диференциации и отсутствия значительной прослойки промышленного пролетариата, первоначально возглавлялось буржуазно-демократической интеллигенцией. Последняя стремилась под лозунгами национального освобождения объединить всю массу башкирского населения, ставя перед собой, конечно, не столько общенациональные, сколько узко-классовые, буржуазные задачи.

«...Речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов»[2].

---

[1] Газ. „Оренбургский край“ № 8 от 11 января 1918 г.

[2] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 51, Партиздат, 1934.

Башкирская буржуазия, выступавшая после революции совместно с татарской, пыталась общенациональными лозунгами затушевать классовую рознь, классовый раскол башкирского населения на эксплоатируемых и эксплоататоров.

Мусульманская буржуазная газета «Турмуш» (издававшаяся в Уфе), определяя задачи, поставленные революцией перед татарским и башкирским населением, писала:

«В условиях этих важных событий момента и на российских мусульман с нашими соотечественниками возлагаются весьма большие задачи. Наше первое дело — отбросить в сторону споры между консерваторами и новаторами, и правыми и «левыми», и объединиться всей нации в одну душу, в одно тело. Действуя лишь объединившись, мы, таким образом, полностью выполним возложенные на нас в такой важный, как теперь, момент историей задачи»[1].

Но, несмотря на эти лицемерные призывы «объединиться в одну душу, в одно тело», национальная башкирская буржуазия не способна была возглавить революционно-освободительное движение всей нации, не способна была довести буржуазно-демократическую революцию до конца и добиться разрешения национального вопроса.

Классовые противоречия внутри нации обострились. Не могло быть классового единства деревенской, городской башкирской бедноты, пролетарских элементов Башкирии с кулачеством и буржуазией. Рознь между эксплоатируемыми и эксплоататорами неизбежно должна была сказаться.

В результате империалистической войны количество безземельных хозяйств в Уфимской губернии возросло к 1916 г. до 13,1 проц. Количество хозяйств с размерами земельной площади до 4 десятин увеличилось до 45,1 проц., количество хозяйств, совсем не имевших скота и безлошадных, — до 30 проц.

На этой почве неизбежно развертывалась борьба башкирского крестьянства и, в первую очередь, бедноты за землю, за уничтожение помещиков.

---

[1] Типеев, Очерки по истории Башкирии, стр. 139.

Созданные же национальной буржуазией «общенациональные институты» боялись дальнейшего углубления революции, боялись проведения каких-либо решительных революционных мероприятий, вызывающих дальнейший подъем революционного движения.

Организованный татаро-башкирской буржуазией и кулачеством после Февральской буржуазно-демократической революции «Комитет распространения среди мусульман идей гражданства» не мог отвечать интересам трудящихся башкирских масс. Проповедуя «мир», единство национальной буржуазии и националов-рабочих и крестьян, он в своей деятельности старался обойти такие коренные вопросы революции, как отношение к войне, разрешение аграрного вопроса, улучшение материального положения трудящихся и эксплоатируемых масс.

В противовес деятельности этой буржуазной организации, в среде башкирского населения начинают развертывать свою работу большевики. Уже во второй половине 1917 г. возникает группа татаро-башкирских большевиков, работавшая в контакте и под руководством уфимской большевистской организации.

Большевистские настроения в башкирских массах растут. На губернском съезде мусульман, происходившем в апреле 1917 г. в г. Уфе, уже раздаются голоса о необходимости борьбы за прекращение империалистической войны.

Однако большевистское влияние на башкирскую деревню было заметным лишь в промышленных районах Уфимской губернии и на Южном Урале, где имелись известные кадры башкирского национального пролетариата.

В пространственно же огромных сельскохозяйственных районах юго-восточного Зауралья и в оренбургских степях влияние пролетариата и большевистских организаций на башкирскую деревню было крайне незначительным.

Здесь почти безраздельно господствовала башкирская буржуазия, кулачество, муллы.

Росту большевистских настроений и обострению классовой борьбы внутри башкир башкирская буржуазия торопится противопоставить усиление деятельности «обще-

национальных» башкирских институтов, возглавляемых буржуазными элементами.

В июне 1917 г. организуется временное бюро «Союза башкирского народа» и развертывается работа по подготовке созыва башкирского областного съезда. В августе создается «Центральный башкирский совет» во главе с группой Валидова, опирающейся на башкирскую буржуазию, буржуазную интеллигенцию, на мулл и деревенских богатеев.

Движение развертывается под лозунгами «национальной автономии», «национальной культуры» и возврата башкирам насильственно отнятых у них русскими великодержавными колонизаторами земель.

Свержение царизма и приход к власти буржуазного правительства Керенского, однако, отнюдь не означали уничтожение национального гнета.

Как указывает товарищ Сталин, с приходом к власти буржуазии «старая, грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета»[1].

«Естественно, что поскольку «общенациональные» институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России»[2].

Впоследствии, 11 ноября 1917 г., Башкирский центральный совет (Шуро) в своем фермане (указе) № 1, ко «Всему башкирскому народу, башкирским районным и уездным советам», подробно изложил политику правительства Керенского по отношению к башкирскому национальному движению.

«Министры Керенского, на ряду с другими вопросами, любили откладывать впредь до созыва учредительного собрания и все совершенно бесспорные права отдельных наций»,— заявляет ферман[3].

---

[1] Сталин, Сборник статей по национальному вопросу, стр. 80—81.
[2] Там же, стр. 80—81.
[3] Оренбургское отделение Средне-Волжского краевого архива, фонд 89, отдел 11, папка № 10.

«Вы, башкиры, возложили на ваш центральный совет слишком тяжелые обязанности. И эти последние тем больше выявляют вашу политическую платформу и тактику. Вы поручили центральному совету восстановить эскадроны, потерянные вами полвека назад. С этим вопросом представитель центрального совета заходил в военную часть правительства Керенского. Однако вопрос не был разрешен.

Вы не согласились с существующим (административным) делением Башкирии на губернии, уезды и волости и также выражали ваше недовольство земствами, связывающими вас с чужими, где-то далеко расположенными русскими городами. Поэтому вы требовали учреждения на башкирских территориях отдельных районных земств. Через эти последние вы предлагали все свои налоги расходовать на себя и свои нужды и также продолжать путь к своей территориальной автономии. Наши представители с этим вопросом посетили министерство Авксентьева, но ходатайство принято не было.

Все башкирские земли вы требовали передать в ведение Башкирского главного земельного комитета и затем на лесном съезде выставили требование: все лесные богатства передать в ведение того же комитета. Дело это было направлено в министерство Чернова, который оставил его без внимания.

Затем вы поручили центральному совету истребование обратно в собственность башкир все имущества и суммы, принадлежавшие ранее башкирам. И с этим вопросом обращались к тем же министрам. Эти вопросы также все откладывались»[1].

Однако, несмотря на такое игнорирование требований башкирского национального движения правительством Керенского, центральный башкирский совет, возглавлявшийся представителями буржуазии, не оказался способным в какой-либо степени развернуть борьбу за осуществление этих, им же самим выдвигавшихся требований. Центральный башкирский совет лишь крайне неуверенно и очень осторожно пы-

---

[1] Оренбург. отд. Ср.-Волжск. краевого архива, фонд 89, отд. 11.

тался настаивать на реализации своих лозунгов. В этом сказывались классовые интересы национальной башкирской буржуазии, кулачества и помещиков, толкавшие их к соглашению с русской буржуазией.

Повсеместный подъем массового революционного движения среди эсплоатируемых классов захватил также и Башкирию. Национальные же организации башкирской буржуазии в союзе с феодальными элементами и духовенством — муллами, пытались всеми средствами отгородиться от этой нарастающей социалистической революции. Они всячески стремились затушевать классовые противоречия внутри башкирской нации, боясь развертывания массового революционного движения среди башкирских рабочих и крестьян. А между тем лишь опора на последних могла придать башкирским национальным организациям серьезную силу, достаточную мощь, с которой вынуждено было бы считаться и правительство Керенского.

Поэтому буржуазные националистические организации не смогли развернуть борьбу за осуществление лозунгов башкирского национального движения.

Однако все же противоречия общенациональных институтов с временным правительством способствовали успеху назревающей социалистической революции. Башкирский центральный совет пассивно воспринял факт свержения правительства Керенского, заявив в фермане № 1, что «башкиры и башкирские солдаты (войска) ни в коем случае не могут стоять за восстановление правительства Керенского» [1].

Временное правительство в момент Октябрьского переворота оказалось изолированным. Национальные правительства окраин, и в том числе Башкирский центральный совет, не оказали ему никакой поддержки. Конечно, это объяснялось не тем, что Башкирский центральный совет в какой-либо степени сочувствовал пролетарской революции. Башкирская буржуазия была не менее русской напугана развертыванием классовой борьбы, выступлением пролетариата и трудящихся масс крестьянства. Но в ее среде в то время

[1] Оренбург. отд. Ср.-Волжск. архива, фонд 89, отд. 11.

господствовал взгляд на пролетарский Октябрь как на «временно переходящую анархию».

«Теперь нельзя определить, кто в России является главой (властью) и кто подвластными, подданными»,—заявлял центральный совет в фермане № 1 от 11 ноября. И вот этот период, якобы, «безвластия и анархии» национальная башкирская буржуазия хотела использовать для того, чтобы забрать в свои руки господство над башкирским народом. Право наций на самоопределение башкирской буржуазией всегда трактовалось как право взять власть в свои руки и использовать ее для образования своего буржуазного башкирского государства.

Октябрьская социалистическая революция, «походя», мимоходом разрешила и нерешенные буржуазно-демократические задачи (аграрный, национальный и др. вопросы). Второй всероссийский съезд советов на другой же день после победы пролетарской революции подтвердил право народов России на свободное самоопределение, осуществив, таким образом, программный лозунг партии большевиков о праве наций на самоопределение. Совет народных комиссаров в своей декларации 2 ноября 1917 г. объявил, что положит в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России признание равенства и суверенности народов России, признание права народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

В этой декларации, написанной Лениным и Сталиным, указывается, что

«...Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[1].

Эти исторические ленинско-сталинские положения экономического, политического и культурного равенства народов СССР, провозглашенные в «Декларации прав народов России», были завоеваны в жесточайшей классовой борьбе с врагами пролетарской революции и ныне окончательно закреплены в сталинской Конституции победившего социализма.

За подписями председателя Совнаркома В. И. Ленина и народного комиссара по национальным делам товарища Сталина было выпущено специальное обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», призывающее мусульман к свободному устройству своей социальной жизни. В этом обращении к трудящимся мусульманам, написанном тов. Сталиным и опубликованном 19 ноября (2 декабря) 1917 г., говорится:

«...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»[2].

Всем этим победоносная пролетарская революция нанесла могучий удар по национальной буржуазии и помещикам, в том числе и по башкирским буржуазным националистическим организациям.

Башкирский буржуазный центральный совет по отношению к пролетарской революции с самого же начала занял резко отрицательную, явно контрреволюционную позицию. Октябрьскую социалистическую революцию он определял как начало «междуусобных войн», клеветнически заявляя, что с приходом к власти большевиков «личная и имущественная

[1] „Декреты Октябрьской революции“, Партиздат, 1933, т. I, стр. 30.
[2] „Декреты Октябрьской революции“, Партиздат, 1933, т. I, стр. 135.

безопасность людей потеряла всякую почву под собой» [1], что «произвол и бесчинство могут охватить и нашу мирную Башкирию, и вся страна, таким образом, может превратиться в море крови».

В то же время центральный совет еще с большей энергией продолжал свою политику разжигания национальных противоречий с тем, чтобы затушевать, смягчить развертывающуюся классовую борьбу внутри башкирской нации. Он хотел направить революционную энергию башкирских рабочих и крестьян по руслу враждебных отношений ко всему русскому.

Большевистский лозунг «земля крестьянам» центральным советом трактуется как призыв к новым захватам башкирских земель русскими.

«Выступая с лозунгом «земля крестьянам»,— пишет в своем фермане центральный совет,— большевики объявили, что все земли передаются в полное распоряжение земельных комитетов и крестьянских учреждений (организаций). Это объявление достаточно служит к тому, чтобы возникли войны (драки) по поводу раздела земли среди сельского населения, признающего власть большевиков, так и не признающего. И действительно, теперь мы наблюдаем случаи покушения на земли, леса и имущество башкир в разных местностях Оренбургской и Уфимской губерний.

Во-всю господствуют грабежи и убийства, суда же нет. Нет наказаний».

Так Башкирский центральный совет, нагло клевеща на советскую власть, старается представить советский декрет о передаче земли крестьянам как новую попытку русских колонизаторов отобрать землю у башкир.

Валидовцы старались политику большевиков изобразить как продолжение старой царской политики грабежа и угнетения национальных меньшинств. Под категорию «колонизаторов» они подводили не русского великодержавного помещика и империалистическую буржуазию, а русских крестьян-переселенцев, подчас насильно водворенных царским

[1] Оренбург. отд. Ср.-Волжск. краевого архива, фонд 89, отд. 11.

правительством на земли башкир. Против этих переселенцев восстанавливали валидовцы башкирское население.

«Пусть откроет свои глаза башкирский народ и пусть знает, что настало время ему выйти из-под опеки других, спасти себя от гибели, от потока переселенцев, который грозит его поглотить, и что настал момент вернуть и восстановить ему свои права»,—призывал башкир ферман № 1.

Натравливание башкир на русских переселенцев со стороны башкирской буржуазии встречалось с параллельным разжиганием национальной вражды русскими контрреволюционными элементами. Русская буржуазия, кулачество, земские деятели, б. царские чиновники и духовенство также старались задержать процесс революционизирования русской бедноты, процесс осознания ею своих истинных классовых задач, старались отвести от себя удар развертывающейся пролетарской революции. В этих целях они развертывали среди русского крестьянства бешеную националистическую агитацию, пугая русских башкирской автономией, отобранием земель и даже «обращением всех русских в башкирскую веру», к чему, якобы, стремились башкиры.

Центральный башкирский совет прямо призывал к неподчинению советской власти. Он заявил, что советское правительство, объявив о предоставлении национальностям права самоопределения, вплоть до отделения от России, «в виде приложения к этим правам дает беспорядки, беззакония и бесчинства...»

Поэтому, якобы, «Башкирский центральный совет теперь не подчиняется чьей-либо власти».

Но это заявление о «самостоятельности» позиций Башкирского центрального совета было лишь прикрытием его истинных контрреволюционных вожделений.

Центральный совет, говоря о непризнании большевиков, в то же время вступает членом в контрреволюционную организацию — в «Юго-восточный союз национальностей», и посылает двух своих представителей в «Совет национальностей» в Киев. Центральный совет заключает союз и с контрреволюционными кругами оренбургского казачества, в целях вооруженной борьбы с советской властью.

«Казачье население (казаки) также не признает большевиков»,— пишет центральный совет. «Причиной чему у них являются некоторые политические вопросы, которые нас не касаются, а главным образом цель охраны спокойствия и благополучия страны. В этом деле объединяет их и нас с национальностями, вступившими в юго-восточный союз национальностей».

«Вот почему и ваш центральный совет 11 сего ноября вступил членом в этот союз, однако, при условии, в случае необходимости в деле осуществления территориальных автономий его членов притти к нам на помощь своими вооружейными силами»[1].

Таким образом Башкирский центральный совет призывал башкир в целях «охраны и спокойствия в стране», т. е. в целях защиты буржуазной собственности и незыблемости буржуазного строя, к вооруженному союзу с контрреволюционными кругами, с казачеством, возглавлявшимся Дутовым, и с контрреволюционным «союзом национальностей».

В порядке реализации этих решений «совет» приступает к созданию своих национальных башкирских воинских частей и к концентрации их в пределах Башкирии, к учету всего имеющегося у башкир оружия.

Контрреволюционные вожаки казачества, конечно, были рады найти в лице башкирских национальных организаций союзников. Уже 30 сентября на войсковом круге в Оренбурге представители донского казачества в своих выступлениях подчеркивали, что казацкая федерация является центором, к которому устремится все, «что еще осталось здоровым в России», т. е. осталось контрреволюционным, не поддающимся «большевистской заразе», что к казачеству уже тяготеют национальные правительства, «ищущие самостоятельного устроения экономической и духовной жизни своих народов», и что, «устроив свою жизнь, казаки устроят и жизнь всей России». Дутов различного рода демагогическими мероприятиями пытается скрыть свои истинные, ве-

[1] Текст фермана (указа) № 1.

ликодержавные устремления и доказать свое дружелюбное отношение к угнетенным национальностям. В казачьем списке для выборов в учредительное собрание, на ряду с фамилиями атамана Дутова, казацких полковников, есаулов, старшин и казацких чиновников, красовались три фамилии казахов-мусульман, очевидно, помещенных в список «для приманки» националов[1].

На заседании войскового круга Оренбургского казачьего войска 7 декабря 1917 г. союз башкирской буржуазии с дутовцами был оформлен. Представитель башкирского областного совета Валидов указал, что башкиры не признают власти большевиков и что они готовы вступить с казаками в союз «для защиты родины»[2], т. е. для борьбы с большевиками.

Так, в Оренбургском районе так же, как и на других окраинах России, создался единый фронт великорусских помещиков и буржуазии, оренбургского контрреволюционного казачества, возглавляемого атаманом Дутовым, мелко-буржуазных партий эсеров и меньшевиков, представленных оренбургским «комитетом спасения» и национальной башкирской, казахской буржуазии, байства и кулачества. Целью этого «единого фронта» являлась совместная борьба с победившей в промышленных центрах России пролетарской революцией.

Таким образом вся деятельность Башкирского центрального совета так же, как и казахской «Алаш-Орды», подтверждает слова товарища Сталина, что «национальные правительства» стали очагами реакции, стягивающими вокруг себя все контрреволюционное в России».

Заявление Башкирского центрального совета о его готовности принять участие в вооруженной борьбе с советской властью не осталось пустым звуком.

Уже 5 января 1918 г. прапорщиком Бриц, по поручению башкирского правительства, был сформирован башкирский партизанский отряд, принявший участие в борьбе дутовских

---

[1] Газ. „Уральский рабочий" № 55.

[2] Газ. „Оренбур. зем. дело" № 87 от 15 декабря 1917 г.

войск с красными частями. Однако в первый период борьбы с Дутовым, т. е. в момент продвижения на Оренбург красногвардейских, рабочих и матросских отрядов, Башкирский центральный совет оказать более существенную, реальную поддержку дутовским войскам не мог, так как формирование башкирских национальных частей лишь начинало развертываться, готовых же вооруженных сил в его распоряжении не было.

Подписанная Лениным и Сталиным декларация Совнаркома, возвещавшая право каждой нации на национальное самоопределение, необычайно высоко подняла авторитет советской власти в глазах национальных угнетенных масс.

Буржуазный Башкирский центральный совет хотел, с одной стороны, дискредитировать эту декларацию, заявляя, что приложением к ней являются «беспорядки, беззакония и бесчинства», а с другой стороны, он хотел эту декларацию использовать для того, чтобы отгородиться от пролетарской революции и создать башкирскую автономную республику с безраздельным господством в ней буржуазии. Национальный флаг использовался башкирской буржуазией как удобное средство для обмана масс, как прикрытие ее истинных контрреволюционных замыслов.

Целиком оправдывались слова товарища Сталина, что:

«Борьба окраинных «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма.

Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии»[1].

Но трудящиеся массы Башкирии через голову башкирского буржуазного «совета» потянулись к советам, к большевикам. «Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И действительно, революционная волна с севера с первых

---

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1934 г. стр. 54.

же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной»[1].

Окраины быстро покрываются сетью советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, организующих вокруг себя всех трудящихся без различия национальностей.

Трудящиеся башкиры—рабочие и крестьяне,—так же, как и трудящиеся других национальностей, «никогда не разрывали связи со своими братьями на Севере»[2].

Пролетарская революция развертывалась на окраинах при активной поддержке передовой части рабочих и крестьян-националов.

Башкирские рабочие, солдаты и башкирская беднота приветствовали переход власти в руки советов. Постановление Уфимского совета о захвате власти в свои руки было принято по соглашению с уфимским мусульманским военным Шуро. Советом тотчас же принимается решение об усилении работы среди националов, об издании газеты на русском и на татарском языках, создаются башкирский и татарский комиссариаты и т. д.

Малоземельные крестьяне-башкиры, как об этом сообщалось в «Известиях ВЦИК»[3], также сочувствовали советской власти и пролетарской революции и сторонились контрреволюционного дутовского движения.

Страдая от малоземелья, они так же, как и русские крестьяне, были заинтересованы в захвате помещичьих земель, и поэтому в своих земельных требованиях солидаризировались с русским трудящимся крестьянством.

На первом же башкирском курултае (съезде) в декабре 1917 г. (созванном Центральным башкирским советом) происходит раскол по вопросам земельной политики. Меньшая часть делегатов, представители башкирской бедноты, настаивали на уравнении землепользования внутри башкирских земельных обществ, в интересах башкирского малоземельного крестьянства. Они требовали проведения в жизнь

---

[1] Сталин, Сборник статей по национ. вопросу, стр. 83.
[2] Там же, стр. 84.
[3] „Известия ВЦИК" № 259 от 23 декабря 1917 г., стр. 6.

лозунгов Октябрьской пролетарской революции и в башкирской деревне, настаивая на разгроме крупного башкирского землевладения феодального типа.

Однако валидовской группе, сумевшей подтасовать представительство в курултае, удалось сохранить за собой большинство делегатов и провести решение о недопустимости «разделов земли среди сельского населения», о сохранении существующих форм земельной собственности в башкирской деревне. Эта временная победа буржуазно-феодальной точки зрения, конечно, должна была лишь усилить классовые противоречия в среде башкирского населения, обострить борьбу башкирской крестьянской бедноты с кулачеством и феодалами.

«Поскольку же они (т. е. «общенациональные» институты на окраинах — С. П.), утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам «своих» рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство», — пишет товарищ Сталин[1].

Политика валидовщины, вызывавшая такой ропот и недовольство трудящихся башкир, способствовала успешной деятельности среди башкирского населения большевистских организаций.

Помимо башкир-рабочих, тесно связанных с русскими рабочими, и малоземельных крестьян-башкир, на сторону советской власти встают также башкиры-солдаты. На заседании Челябинского совета 22 ноября 1917 г. представители солдат-мусульман 131-го запасного троицкого полка заявляют, что солдаты-мусульмане готовы с оружием в руках поддержать советскую власть. В Баймаке в начале января 1918 г. организовался добровольческий красногвардейский отряд в 300 бойцов-башкир. Намечалось создание смешанного башкиро-русского красногвардейского отряда, совместно с баймакскими рабочими организациями. Однако формирование его задерживалось. Дутовские власти арестовали руководителей этого башкирского добровольческого красногвардейского отряда, поехавших в Орск за оружием.

---

[1] Сталин, Марксизм и нац.-колон. вопрос, 1935 г., стр. 52.

15 ноября 1917 г. за подписью товарища Сталина издается постановление Народного комиссариата по делам национальностей о разрешении «свободной группировки воинов по национальному признаку в пределах той или иной военной единицы».

На этой основе начинают создаваться башкирские национальные формирования в красногвардейских воинских частях.

В красногвардейских отрядах, шедших под общим руководством тов. Кобозева в наступление против Дутова на Оренбург, был значительный процент башкир.

Был сформирован и принимал участие в боевых действиях против Дутова уфимский красногвардейский отряд под командованием тов. Дженгульдинова, в 300 человек бойцов башкир и татар.

Таким образом и в башкирском национальном движении угнетенные, эксплоатируемые массы встают на путь пролетарской революции. Они поддерживают советскую власть и большевистскую партию. Они передовым своим авангардом вливаются в красногвардейские и рабочие отряды, идущие освободить Оренбург из-под владычества Дутова.

«Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма.

Война же «национальных правительств» с советской властью довела их конфликт с этими «правительствами» до полного разрыва с ними, до открытого восстания против них.

Так сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных «правительств» окраин России»[1].

---

[1] Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1935 г., стр. 54.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКИХ ОТРЯДОВ НА ОРЕНБУРГ

23 ноября (6 декабря) 1917 г. Совнаркомом принимается обращение ко всем советам и ко всему населению по поводу контрреволюционного восстания казачьих генералов. «Революция в опасности!» — указывает Совнарком и призывает местные советы и все население немедленно принять меры к решительному подавлению контрреволюционных выступлений. Все те области на Урале, Дону и т. д., где обнаружится выступление контрреволюции, СНК объявляет на военном положении. Местные организации призываются к борьбе с контрреволюцией, не дожидаясь никаких указаний сверху. Совнарком категорически воспрещает какие-либо попытки переговоров с вождями контрреволюционных восстаний и предлагает отвергать всякие попытки посредничества. «Вожди заговора объявляются вне закона, и всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти», — заявляется в этом обращении СНК[1].

24 ноября (7 декабря) тов. Кобозев, получив это обращение СНК, по телеграфу передает его на места. В Оренбургской губернии и Тургайской области вводится осадное положение, оренбургские мятежники объявляются вне закона[2].

---

[1] „Известия ВЦИК“ № 236.

[2] Приказ тов. Кобозева „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 6 от 2 декабря 1917 г.

Однако сразу же реализовать развернутое наступление против Дутова тов. Кобозеву не удается. Несмотря на огромный революционный подъем рабочих масс, формирование воинских отрядов проходит с трудом. В Бузулуке солдатский гарнизон был небольшой. Из этого гарнизона лишь часть солдат могла быть использована в борьбе с Дутовым. Как сообщает тов. Маутин:

«Мы получили задание разоружить царскую армию в Бузулуке, которую меньшевики возбуждали против большевиков, поддерживая учредительное собрание. Мы разоружили солдат царской армии, распустили их по домам со словами:

«Не с нами — так идите домой»[1].

Красногвардейские отряды, состоявшие из не обучавшихся военному делу рабочих, должны были пройти хотя бы минимальную предварительную военную подготовку. Их надо было вооружить, скомплектовать, обучить владеть оружием. Одного революционного энтузиазма в борьбе с привыкшими к военной службе и боевым действиям казаками, юнкерами и офицерами Дутова было мало. Помощь же красногвардейскими и солдатскими отрядами со стороны Самары и Урала запаздывала. Сказывалась ужасающая транспортная разруха — наследие империалистической войны, политики царизма и правительства Керенского.

Первые же красногвардейские отряды с уральских заводов, самарский отряд под командованием тов. Блюхера и матросский отряд под командованием тов. Павлова, задерживались на ликвидации контрреволюционного выступления челябинско-троицких казаков.

1(14) декабря из Самары отправляется на оренбургский фронт — на Бузулук — первый красногвардейский отряд из рабочих Порохового, Сергиевского, Намыльского и других заводов.

К 3(16) декабря в Бузулуке, помимо державших фронт против Дутова сызранского отряда, б. улан и бузулукских железнодорожников-красногвардейцев, уже сосредото-

---

[1] „Красногвардейцы и красные партизаны", изд. „Молодая гвардия" 1933, стр. 145.

чивается отряд в 633 человека. Отряд состоял из 383 красногвардейцев с девятью пулеметами и девятью лошадьми, 130 солдат бузулукской 16-й роты 170-го полка и 120 улан[1].

С таким отрядом еще нельзя было приступить к развернутому наступлению на дутовцев, но уже можно было произвести глубокую разведку в сторону расположения войск противника и попытаться задержать его наступление.

Дутовцы к этому времени уже открыли боевые действия. Первым их делом был взрыв ж.-д. полотна на границе Самарской и Оренбургской губерний,— они хотели этим помешать передвижению советских эшелонов, но силами бузулукских железнодорожников взорванные пути быстро были исправлены, и красногвардейские отряды могли начать выступление эшелонным порядком.

Под руководством тов. Кобозева 3(16) декабря в разведку вдоль по линии ж. д. был направлен бронированный поезд с отрядом сызранских улан, солдат бузулукского полка, красногвардейцев и рабочих-железнодорожников. «Бронь» поезда была своеобразной, являясь продуктом революционной инициативы. Между досками и стенками вагонов насыпалась земля и укладывался хлопок, и это примитивное приспособление предохраняло бойцов от пуль.

Наступавшие красные части, беспрепятственно заняв станцию Платовку, под станцией Переволоцкой — между 11-м и 12-м разъездами, встретились с казачьей цепью, открывшей по ним огонь. Тогда тов. Кобозев, находившийся на паровозе, на котором стоял пулемет, приказал машинисту двинуть поезд вперед, в атаку на дутовцев.

Но ни меткий огонь пулеметов, ни обстрел казачьих цепей красногвардейским отрядом не мог опрокинуть противника. Спешившиеся и залегшие под прикрытие казаки не отступали, встречая наступление красных войск ожесточенным ответным огнем. Три раза пришлось красным войскам переходить в атаку на дутовские цепи, поражая их пулеметным огнем с «броневика». Казаки продолжали держаться.

---

[1] Протокол № 2 первого организ. заседания рев. штаба от 3 декабря 1917 г. красным войскам.

Неожиданно сзади цепей красных послышался грохот несущейся к месту боя артиллерии. То была артиллерийская батарея из Самары под командованием тов. Ходакова, посланная тов. Куйбышевым (бывшим тогда председателем Самарского совета).

Тов. Кобозев про этот критический момент боя рассказывает следующее: «Я вижу, что нас сомнут. Наша цепь малюсенькая. Вдруг к нам скачет артиллерия. Ее приезд был настолько неожиданный и своевременный, что я, инженер, совсем забыл, что артиллерия бьет по цепи с определенного расстояния, не подходя вплотную к врагу. Горя желанием поскорей получить ценную помощь орудий и опрокинуть дутовцев, я опрометчиво отворяю дверь бронированного поезда и нетерпеливо рукой машу артиллерии: «Сюда»! А она не идет: как бы застряла в снегу. Вдруг падает снаряд и разрывается прямо в дутовской цепи казаков, которые концентрировались у переезда 14. За первым снарядом — другой, третий и т. д. и все с удачным попаданием».

Неожиданное не только для красных, но в особенности для дутовцев, появление артиллерии решает участь боя. Казаки, оседлав лошадей, быстро «дают ходу» — отступают.

Красные части преследовали их с броневика. Двинуть же весь свой отряд в погоню за дутовцами тов. Кобозев не мог, так как красногвардейцы-пехотинцы догнать казаков, конечно, не могли, а одних сил улан и броневика было явно недостаточно.

Первая победа красногвардейцев задержала продвижение противника на Бузулук. Разведка выяснила, что казацкие силы Дутова значительны.

Красногвардейский отряд в 600 человек не мог рискнуть развернуть наступление в глубь враждебной территории противника. Совсем не был укреплен тыл красных отрядов. По сторонам железной дороги были расположены казацкие станицы, которые всегда могли дать Дутову новые контрреволюционные силы, напасть на красных с флангов, с тыла, окружить их и отрезать путь к отступлению. Поэтому красным отрядом, несмотря на удачный разгром передовых отрядов дутовцев в первом же бою, при-

шлось отказаться от дальнейшего наступления и вновь отступить в Бузулук.

Поражение казацких цепей и, в особенности, чрезвычайно меткий огонь артиллерии вселили панику в дутовские войска. Среди них появился слух, что, якобы, большевики — немецкие шпионы и ими командуют немецкие генералы. Контрреволюционеры никак не могли допустить, что меткостью своего артиллерийского огня красные отряды обязаны большевику-рабочему тов. Ходакову.

Отступив в Бузулук, тов Кобозев продолжает энергичную работу по накоплению сил, по их формированию и укреплению.

Эта работа протекала под непосредственным руководством ЦК партии и Совнаркома. Особое внимание к вопросам руководства борьбой с Дутовым проявил товарищ Сталин. Он очень часто сносился с тов. Кобозевым или его заместителем тов. Германом по прямому проводу, телеграфно или нарочными. Так, в ответ на донесение о порядке формирования красных отрядов против Дутова товарищ Сталин телеграфировал:

«Точь в точь такой проект формирования красных отрядов и солдат выработан на недавнем чрезвычайном совещании морских и военных представителей ставки. Негодные элементы распускайте, годные сплачивайте в революционные отряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Этот путь верный и можно итти по нему смело. Сталин»[1].

Тов. Сталин настаивал на проведении быстрых, решительных мероприятий по сколачиванию революционных сил против Дутова. Успех разгрома контрреволюции в условиях транспортной разрухи и невозможности быстрого сношения окраины с центром зависел, в первую очередь, от инициативности, энергии и быстроты действий местных органов власти. И именно к этому, прежде всего, призывал товарищ Сталин.

---

[1] Телеграмма тов. Сталина тов. Герману. См. журнал „Борьба классов“ № 4 за 1934 г., стр. 68.

В ответ на просьбы тов. Германа выслать деньги на содержание армии и на поддержку оренбургских стачечников товарищ Сталин телеграфирует: «...Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышлем сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте хотя бы в банке... ...Раз навсегда запомните нашу просьбу: когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем. Сталин»[1].

В то же время товарищ Сталин заботился о быстрой отправке подкреплений на оренбургский фронт, о высылке снаряжения, оружия и т. д. Он занимается вопросами отправки на фронт аэропланных бомб, сигнальных ракет, броневиков, пехоты и т. д. Заботливое отношение к нуждам фронта, быстрое реагирование на его запросы — характерная черта работы товарища Сталина по руководству операциями против Дутова.

К 20 декабря в распоряжении тов. Кобозева, в связи с прибытием подкреплений, скопилось уже до 2000 красногвардейцев и солдат. Самарский отряд (пехота и пулеметчики) состоял из 350 красногвардейцев-добровольцев, рабочих самарских заводов под командованием тов. Гавриленко и членов самарской организации анархистов «Черной гвардии» в 150 чел. под командованием анархиста Карасика. С Урала прибыл отряд рабочих-красногвардейцев заводов Мотовилихинского и Иващенского в 300 человек под командованием тов. Кармашова. Бузулукский отряд состоял из 120 сызранских кавалеристов-улан, 280 солдат пехотинцев 170-го полка и 150 красногвардейцев. Артиллерийский отряд, включавший тяжелую и легкую артиллерию, имел 128 человек. Командовал им хороший стрелок артиллерист-наводчик тов. Ходаков. Вспомогательный технический ж.-д. отряд состоял из 40 железнодорожников-рабочих под командованием тов. Федотовича, ж.-д. мастера. На отряд ложилась ответствен-

---

[1] Телеграмма тов. Сталина тов. Герману. См. журнал „Борьба классов“ № 4 за 1934 г., стр. 68.

нейшая задача — по исправлению взрываемого дутовцами ж.-д. пути, восстановлению взорванных мостов и т. д.

Казанский отряд состоял из 200 человек добровольцев-красногвардейцев, рабочих заводов Казани и солдат казанского гарнизона. Из Челябинска, в связи с укреплением там положения и изгнанием казаков, прибыл отряд в 300 человек из красногвардейцев-железнодорожников, рабочих и солдат челябинского гарнизона. Наконец, имелось два аэроплана. Командование всеми этими отрядами чрезвычайным комиссаром СНК тов. Кобозевым было возложено на б. штабс-капитана Мосальского, командированного управлением Казанского военного округа.

Таким образом красные отряды, двинутые против Дутова, состояли преимущественно из красногвардейцев, добровольцев-рабочих, которые с энтузиазмом взяли оружие в руки в связи с нависшей угрозой пролетарской революции. Это была типичная «красногвардейская атака на капитал».

Рабочие-красногвардейцы, в своем большинстве не обучавшиеся военному делу, под руководством большевиков храбро шли в бой против значительно их превосходивших по численности, привыкших к военному делу, к боевым действиям казацких, офицерских и юнкерских отрядов Дутова.

Быстрому развертыванию операций против Дутова значительно мешали прибывавшие по ж. д. демобилизовавшиеся солдаты царской армии. Безостановочный поток серых шинелей направлялся с фронта через Самару к себе домой, за Оренбург. Их, стремившихся как можно скорее попасть к родным семьям, не могли остановить никакие препятствия. Чувство революционного долга, зовущего к активной, самоотверженной добровольческой борьбе с контрреволюцией, не победило еще в этой крестьянско-середняцкой массе. Они пытались занять позицию «нейтралитета» в развернувшейся борьбе, ни о чем не думали, кроме как о скорейшем осуществлении своего стремления попасть домой, в родные хаты. Они хотели «поскорее вернуться по домам для реализации завоеваний революции, для раздела помещичьих земель»[1]. Этих демо-

[1] Ворошилов, Доклад „15 лет Красной армии", „Известия ЦИК", № 63 за 1933 г.

билизованных солдат, пытавшихся прорваться через фронт, накопилось на станциях под Бузулуком до 5000 человек[1].

Тов. Кобозев телеграфировал в центр, что станция Бузулук, Ново-Сергиевка и Сергиевская «стонут» от эшелонов фронтовиков. Между тем, в связи с подготовкой наступления, в наличных составах поездов ощущался острый недостаток. Отправить поездами эту пятитысячную массу на Оренбург не было никакой возможности. Существовало опасение, что дутовцы не пропустят через Оренбург демобилизованных, что они встретят их огнем. Однако никакие уговоры на солдат не действовали.

Поджигаемые провокаторской агитацией скрытых контрреволюционеров, фронтовики-солдаты настойчиво требовали пропуска в Оренбург, грозя в противном случае организовать погром Красной гвардии. Красногвардейцам приходилось отвлекаться от борьбы с Дутовым и заниматься разоружением этих демобилизованных фронтовиков, которые почти сплошь были вооружены. Один из эшелонов фронтовиков все же сумел прорваться через фронт, настоять на пропуске его к Оренбургу. Но когда поезд подошел к расположению дутовских цепей, то казаки (под ст. Платовка) открыли по вагонам ружейный и пулеметный огонь, несмотря на то, что над поездом был флаг Красного креста. Поезду пришлось немедленно дать задний ход и вернуться обратно.

20 декабря, в 6 часов вечера, тов. Кобозев телеграфно шлет Дутову ультиматум: в 24 часа добровольно сдать власть в руки советов, угрожая в противном случае «воинской силой восстановить народоправство в Оренбурге»[2]. На этот ультиматум Дутов не дает ответа. Тогда тов. Кобозев отдает красным отрядом приказ перейти в наступление.

21 декабря (2 января 1918 г.), в 7 часов вечера, красные отряды выступают из Бузулука.

«Тревожно было на душе при мысли, что наши рабочие, красногвардейцы, не обученные военному делу, высту-

---

[1] Телеграмма т. Кобозева Совету нар. комиссаров от 26/XII.

[2] „Известия Челяб. воен.-рев.-к-та“ № 22 от 5 января 1918 г.

пают против великолепно обученных казачьих частей и юнкеров»,— пишет в своих воспоминаниях активный участник борьбы с Дутовым тов. Закурдаев. 9 эшелонов поездов (2 поезда со снаряжением, продовольствием и фуражом) друг за другом, с интервалом в 15 минут, двигаются без станционных звонков и паровозных гудков к станции Платовка, где засел противник. С точки зрения нормальных технических правил ж.-д. движения такое сплошное движение поездов было преступлением, грозило неминуемой катастрофой, тем более, что предстоящий поездам путь на протяжении 30 километров был с значительным уклоном. Однако героическая, самоотверженная работа бузулукских железнодорожников, с энтузиазмом обслуживающих воинские красногвардейские эшелоны, обеспечивала благополучное продвижение вперед всего состава поездов.

Станция Ново-Сергиевка была последней станцией, находившейся в руках красных частей. Как только на рассвете 4 января (22 декабря) красные отряды двинулись на станцию Ново-Сергиевку, они тотчас же вошли в соприкосновение с дутовскими частями.

Авангардом красногвардейских отрядов выступила конная разведка, бронепоезд, технический поезд и самарский отряд. Верст за 12 до станции Платовки разведка, встретив юнкерскую засаду, открыла по ней ружейный и пулеметный огонь. Приход броневика красных быстро решил дело. Дутовская засада стала отступать. Бой с основными казацкими отрядами развернулся под самой станцией. Он быстро окончился победой красных.

Красные отряды попытались обойти дутовские части, но последние, заметив этот маневр и не выдержав сильного ружейного и пулеметного огня красногвардейцев, быстро отступили на поездах по направлению к ст. Переволоцкой. Со стороны красных жертв не было. Белогвардейцы же потеряли 2 юнкеров убитыми, 8 ранеными, 5 белогвардейцев попало в плен.

Следующий бой завязался под разъездом № 12. Опять быстро белогвардейцы под давлением сильного огня красных отступили. Однако преследовать их не удалось, т. к. ду-

товцы при отступлении сожгли ряд мостов и взорвали ж.-д. полотно. Этим они задержали дальнейшее продвижение красногвардейцев.

Началась кропотливая, тяжелая работа технического отряда ж.-д. рабочих по восстановлению разрушенного пути.

Под станцией Переволоцкой белогвардейцы, хотя и принимают бой, однако, как и раньше, быстро отступают.

Главные силы белогвардейцев были сосредоточены под 13-м разъездом. Казацкие, юнкерские части и школа прапорщиков были размещены в хороших земляных окопах, замаскированных снегом. Они были вооружены не только винтовками, но и значительным количеством пулеметов и трехдюймовыми орудиями.

Наступающие красные войска встречаются ими сильным ружейным, пулеметным огнем и артиллерийским обстрелом. Тогда тов. Кобозевым отдается распоряжение командиру красного отряда открыть ответный огонь по неприятельским окопам. Вновь меткость тов. Ходакова решает исход борьбы. Дутовцы не выдерживают дружного пулеметного, ружейного и, в особенности, меткого артиллерийского обстрела. Бросая оружие, винтовки, пулеметы, патроны и снаряжение, они панически бегут, не успевая даже забрать раненых. Главные же их части поспешно отступают на поездах к ст. Сырт. Но красным войскам, в связи с отсутствием достаточного количества кавалерии, свирепствовавшим жестоким морозом и наличием глубокого снега, не удалось и на этот раз окончательно разгромить отступающего противника.

Отступив до ст. Сырт, дутовцы вновь залегают в заранее приготовленных окопах. Они опять встречают наступающие части красных сильным огнем.

Прежде чем перейти в наступление на залегшие цепи казацких отрядов, красногвардейские войска должны были обезопасить себя со стороны расположенной недалеко от железнодорожного пути станицы Донецкой. В станицу была послана разведка. Казаки станицы сначала обстреливали красногвардейцев, но затем выслали делегацию с «хлебом и

солью». В подтверждение своей нейтральности они сдали 40 старых берданок, заявив, что стрелявшие скрылись.

Красногвардейцы поверили казакам «на слово» и вернулись к месту боя.

Бой близ самой станции Сырт развернулся ожесточенный. Ружейная, пулеметная стрельба и артиллерийский обстрел с обеих сторон сливались в гулкую канонаду. Но как только меткий огонь красной артиллерии стал бить по окопам казаков, дутовцы, несмотря на превосходство своих позиций, стали панически отступать под станцию Каргалу. Опять их отступление было настолько поспешным, что они не успевали забирать своих раненых.

Красногвардейские части, преследуя врага по пятам, заняли 15-й и 16-й разъезды. Одновременно им приходилось восстанавливать взорванные казаками мосты и ж.-д. полотно[1].

Бой под станцией Каргалой был еще более яростен. Он длился несколько часов и был прекращен лишь ночью, по наступлении темноты, не дав победы ни той ни другой стороне.

В этих боях потеря красных достигла 6 убитых и 50 раненых. Белогвардейцы понесли более значительный урон. С их стороны было около 50 убитых и 150 раненых[2].

В связи с сильнейшими морозами и бураном было много случаев обмораживаний, в особенности у белых. В этих боях красногвардейские рабочие отряды показали свою доблесть, свое геройство, свою преданность пролетарской революции. Они решительно наступали на противника, заставляли его панически отступать перед их сокрушительным натиском.

Ни страшная вьюга, ни мороз и глубокий снег, ни ожесточенное сопротивление казацких, офицерских частей не могли приостановить наступление красногвардейцев. Однако, несмотря на эту «исключительно блестящую победу»

---

[1] „Разведочный разговор“ наших телеграфистов и тов. Кобозева по прямому проводу.

[2] Телеграмма тов. Германа 26 декабря Совету нар. комиссаров.

(как телеграфировал тов. Кобозев)[1], красным отрядам все же пришлось еще раз отступить.

После боя под станицей Каргалой ночью 8—9 января (26—27 декабря) тов. Кобозевым неожиданно было получено известие, что «вся Донецкая станица поднялась на ноги и идет на Сырт»[2]. Оказалось, что в тылу наступающих красных отрядов в станицах Донецкой и Малаевке была спрятана засада в 200 юнкеров и казаков. Юнкера получили в лице монахинь местного монастыря рьяных сообщниц и энергичных агитаторш. С помощью монахинь юнкера провели ряд митингов по казацким станицам и сумели мобилизовать тысячный казацкий отряд для борьбы с красными. В ряде мест между станциями Переволоцкой и Каргалой ими были подпилены и свалены на линию телеграфные столбы и взорваны пути. Цель этой засады заключалась в том, чтобы окружить красные отряды и целиком уничтожить их.

Красногвардейцам пришлось спешно отступать перед этими превосходными силами неприятеля, получившего неожиданное подкрепление. С боями продвигались красные эшелоны обратно, восстанавливая разрушенный путь. Жаркий бой пришлось им выдержать под вероломной станицей Донецкой, около разъезда № 14, где казаками было организовано два крушения поездов красных.

Вновь геройская, самоотверженная работа железнодорожников спасла положение. Под огнем противника рабочие быстро сумели восстановить линию ж. д.

Красная артиллерия опять оказалась на высоте. Метким обстрелом казачьих частей она заставляла их отступать. Потери красногвардейцев за сутки отступления были невелики, тогда как потери казаков, страдавших от меткого огня артиллерии, были неизмеримо большие. Тов. Кобозев телеграфировал: «Война вступила в новую жаркую полосу партизанских боев»[3]. В этих боях красногвардейцы

[1] Телеграмма тов. Кобозева Мосальскому со ст. Переволоцкой.

[2] Разговор тов. Кобозева из 16-го разъезда с Коростелевым по прямому проводу

[3] Телеграмма чрезвычайного правительств. комиссара тов. Кобозева.

вновь показали высокие образцы храбрости и геройства. При наступлении красных отрядов на ст. Сырт, на 13-м разъезде была оставлена красногвардейская застава в 13 человек. Оказавшиеся в тылу у красных казаки и юнкера, желая отрезать путь к отступлению главным красногвардейским силам, попытались захватить разъезд. Но горсточка красногвардейцев, засевших в здании 13-го разъезда, оказала отчаянное сопротивление.

«В маленьком каменном здании эти люди защищались, как звери. Они расстреляли все до одного патрона и через окна штыками отражали нападение. В это время подошел отряд. Они были спасены»[1].

Отступив на станцию Ново-Сергиевку, красногвардейцы сохранили бодрость духа и энергично готовились к новому наступлению.

Товарищ Сталин внимательно следил за развитием боевых операций на дутовском фронте. Его систематическими указаниями руководствовался тов. Кобозев в развертывании наступления на Дутова. Получив извещение об отступлении красных отрядов, товарищ Сталин шлет следующую телеграмму тов. Герману:

«Немедленно созову чрезвычайное военное совещание с целью оказания решительной поддержки. Крепитесь и не слишком торопитесь дальнейшим наступлением. Дайте передохнуть своим и дожидайтесь подхода подкреплений. Мы убеждены, что с Юга к тому времени также подойдет подкрепление. О дне отправки людей и материалов сообщу. Сталин»[2].

Весть об отступлении красных частей быстро облетела рабочий Урал. На ряде заводов срочно комплектовались новые красногвардейские отряды и тотчас же отправлялись на фронт, на борьбу с Дутовым.

«На Верх-Исетском заводе (в Екатеринбурге — С. П.) на тревогу, устроенную для красногвардейцев, явились почти все рабочие завода, потребовали оружие и все высказались

---

[1] Воспоминания Я. П. Маурина, „Красногвардейцы и красные партизаны", Огиз „Молодая гвардия", 1933 г., стр. 146.

[2] Телеграмма тов. Сталина тов. Герману, архив тов. Кобозева.

выйти на фронт»,— рассказывает тов. Ермаков в своих воспоминаниях [1].

Временное поражение красных войск вызвало новый взрыв революционного энтузиазма и пролетарской ненависти к дутовцам в рабочих массах уральских заводов. «По веселому и приподнятому настроению уезжавших и провожавших можно было подумать, что люди здесь отправлялись не на войну, не в беспощадный бой с классовым врагом, а едут совершать приятную экскурсию»,— пишет тов. Авдеев о проводах на фронт красногвардейцев завода Злоказова из Екатеринбурга [2].

---

[1] Уралпартархив, Воспоминания тов. Ермакова.

[2] Журнал „Пролетарская революция“ № 9 (104) за 1930 г., стр. 99.

ПОДПОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ И РАЗЛОЖЕНИЕ ВОЙСК ДУТОВА

Совсем иным было положение в дутовском царстве. Хотя отражение первых натисков советских войск и было всемерно раздуто оренбургскими белогвардейскими газетами, как крупнейшая победа, как решительное поражение красногвардейцев, однако, и эти «победы» никакого энтузиазма в белогвардейских войсках не вызвали. Наоборот, разложение в казачьих кругах продолжало расти.

Скрывшиеся в подполье большевики продолжали свою революционную агитацию в массах. Имея влияние в среде типографских рабочих, большевики организуют печатание и распространение прокламаций, листовок, воззваний. «Комитет спасения родины и революции» вынужден был обратиться с специальным воззванием «К населению г. Оренбурга» по поводу систематически появлявшихся листовок большевиков.

«Ко всем исходящим от большевиков воззваниям, имеющим целью посеять смуту и тревогу в городе, надлежит относиться без всякого доверия и немедленно их срывать» [1], — призывал комитет. Но «смута» в городе росла. Большевистское влияние ширилось. «Крамольные» листовки большевиков-подпольщиков продолжали появляться на стенах домов и на заборах и жадно читались трудящимся населением.

[1] „Уральский рабочий" № 68 от 23 декабря 1917 г.

Симпатии трудящегося населения Оренбурга были целиком на стороне большевиков, на стороне советской власти. Героическая всеобщая политическая стачка оренбургских рабочих, несмотря на репрессии и преследования, упорно продолжалась.

Проходившие в условиях разгула дутовской диктатуры выборы в учредительное собрание, наглядно выявили колоссальное влияние большевиков в массах. Тов. Цвиллинг в своем письме, написанном им из тюрьмы «К уральским товарищам», сообщал, что в выборах в учредительное собрание большевики, не имевшие возможности вести какую-либо легальную деятельность, заняли первое место по числу поданных за них голосов. Они собрали 13 000 голосов среди гражданского населения, тогда как за меньшевиков и эсеров голосовало лишь 3 000 человек. Трудящиеся массы под гнетом дутовской казацкой нагайки и офицерско-юнкерского штыка демонстрировали свою преданность идеям пролетарской революции, свое доверие большевистской партии.

В условиях жестокого террора и тщательной эсеро-меньшевистской, полицейской слежки[1] оренбургские большевики сумели создать подпольную Красную гвардию. Под руководством большевика тов. Левашева было вооружено до 100 красногвардейцев. Рабочие группами выслеживали одиночных часовых, казаков, дутовских милиционеров. Неожиданно набрасывались сзади и без выстрела разоружали. Разрабатывался план и велась подготовительная работа к организации восстания против Дутова в Оренбурге.

Рабочие с тревогой следили за положением арестованных большевиков в тюрьме. Протесты рабочих, их запросы о состоянии арестованных, посылка делегаций с требованием их освобождения вынудили «комитет спасения» лицемерно заявить:

«Настоящим комитет просит граждан г. Оренбурга и рабочих не беспокоиться, т. к. все арестованные главари большевиков и их организаций находятся в хороших и светлых помещениях и пища им дается такая же, как и

---

[1] Белогвардейской милицией в Оренбурге руководил эсер Капашидзе.

Оренбургскій Избирательный округъ.

№ 8 (кандидатскаго списка).

ОТЪ РОССІЙСКОЙ Соціалъ-Демократической РАБОЧЕЙ ПАРТІИ (большевиковъ).

1) КОРОСТЕЛЕВЪ Александръ Алексѣевичъ. Оренб. Шотовская ул. уголъ Тупого пер., д. № 15.

2) ЦВИЛИНГЪ Самуилъ Моисѣевичъ. Челябинскъ Большая, 16.

3) ЧУЦКАЕВЪ Сергѣй Егоровичъ. Оренб. Форштадъ Наслѣдн.

4) КОСОРОТОВЪ Василій Емельяновичъ. Самара ул. Льва Толстого № 75 кв. № 6.

5) МОРОЗОВЪ Георгій Георгіевичъ Челябинскъ Комит. Р. С. Д. Р. Пар. (большевиковъ).

6) ВЕРЗИЛОВЪ Николай Филипповичъ. Танал.-Баймакъ, Орск. у.

7) ЗВЕЙНЕКЪ Петръ Петровичъ. Самара, Кирпичная, № 329.

8) ЕЛЬКИНЪ Соломонъ Яковлевичъ. Челябинскъ, Комитетъ Рос. С. Д. Раб. Партіи (большевиковъ).

Избирательный список большевистских депутатов в Учредительное собрание

казакам»[1]. Конечно, это объявление комитета было ложью. Арестованные находились не в «хороших и светлых помещениях», а в царской тюрьме, пищу им давали недоброкачественную.

Но под давлением рабочих и стачечного комитета дутовцы вынуждены были хоть сколько-нибудь улучшить положение арестованных и даже стали выдавать им по 3 рубля суточных.

В знак протеста против своего ареста заключенные большевики решили 18 декабря объявить голодовку. Обеспокоенные за здоровье арестованных рабочие на собрании главных мастерских депо постановили предложить арестованным прекратить голодовку и произвели сбор денег на закупку им питания. В тюрьму рабочими была послана делегация с тем, чтобы заставить заключенных эту голодовку прекратить.

Очевидец событий (один из арестованных) тов. Закурдаев пишет: «Вдруг слышим стук засова в двери нашей камеры. Дверь отворяется, и мы видим товарищей рабочих. Поздоровавшись с нами, они сказали, что они избранные делегаты от мастерских и депо и приехали для того, чтобы просить нас от имени стачечного комитета прекратить голодовку, т. к. голодовка заключенных сильно волнует рабочих. Делегация передала от имени рабочих мастерских, депо подарки: хлеб, молоко, яблоки, папиросы и проч. и настояла на прекращении голодовки».

Видя растущее негодование рабочих, «комитет спасения» решил освободить половину арестованных — 16 человек. Но последние категорически отказались покинуть тюрьму, требуя освобождения всех.

Между тем подпольной красной гвардией подготовлялся побег заключенных из тюрьмы. В тюрьму им было передано через навещавших их рабочих оружие — 5 револьверов и 2 бомбы.

И 12(25) декабря вечером смелым и неожиданным налетом на часовых и надзирателей арестованные, во гла-

[1] Закурдаев, „Против дутовщины“ журнал „Пролетарская революция“.

ве с тов. Цвиллингом, сумели разоружить караульную команду (31 человек), запереть ее в одну камеру и бежать из тюрьмы.

Побег удался блестяще. Все 32 арестованных большевика благополучно выбрались из тюрьмы, перебросившись через забор, и были радостно встречены рабочими и красногвардейцами.

Часть бежавших скрылась в подполье, часть переправилась через фронт и примкнула к советским отрядам.

Этот смелый удачный побег большевиков из тюрьмы, возможный лишь при сочувственном отношении к ним населения, произвел ошеломляющее впечатление на дутовцев. Тов. Цвиллинг впоследствии в письме в «Правду» (№ 15 от 2 февраля 1918 г.) писал, что «в тот момент, когда мы бежали, шло заседание «комитета спасения», и когда им было доложено, что из тюрьмы бежали арестованные, то председатель Барановский воскликнул: «Последние деньки доживаем — большевики бежали».

Дутовцы срочно поставили на ноги весь свой сыскной аппарат, чтобы немедленно вновь арестовать скрывшихся большевиков. Однако, несмотря на тщательные розыски, обнаружить бежавших им не удалось. Рабочие старательно скрыли всякие следы местопребывания бежавших.

Эсеро-меньшевистский «комитет спасения» явно не справлялся с взятой на себя задачей установления «твердой власти». Забастовка рабочих парализовала всю нормальную жизнь города. Продовольственные затруднения резко обострились. На этой почве широко развернулась спекуляция. Размер хлебного пайка населению был сокращен до $^1/_4$ фунта в день. В интересах казацкой буржуазии Дутов отделил в продовольственном отношении казачью территорию от гражданской. Он нарушил закон о хлебной монополии и разрешил покупать овес по вольной цене. Обещание Дутова дать оренбургской продовольственной управе 150 000 пудов хлеба оказалось мифом. Никакого хлеба населению Дутов, защищавший интересы буржуазии и кулацкого казачества, дать, конечно, не мог. Даже эсеро-меньшевистский оренбургский продовольственный комитет должен был

заявить, что «сильно повредила делу продовольствия в Оренбургской губ. деятельность главноуполномоченного министерства продовольствия, войскового атамана Дутова, работавшего в интересах буржуазного казачества».

Конечно, эсеры и меньшевики не могли быть последовательными в обвинении Дутова в создании продовольственной разрухи. Поэтому они попытались возложить ответственность за голод в Оренбурге на тов. Кобозева, на большевиков, на Совет народных комиссаров.

«В связи с захватом Кобозевым на ж. д. продовольственных грузов и приостановки высылки денег на хлебные операции Советом народных комиссаров, Оренбургский продовольственный комитет вынужден сложить с себя всякую ответственность в отношении обеспечения хлебом населения и армии»,— заявили 11 декабря эсеры и меньшевики, работавшие в продовольственном комитете. Тем самым они как бы расписывались в своем собственном бессилии, признали неизбежность краха всей дутовской авантюры.

Обмануть массы этим постановлением, однако, не удалось. Массы видели, что путь к ликвидации голода лишь один — это путь борьбы с буржуазией и кулачеством, путь свержения белогвардейского, кулацко-казацкого правительства и восстановления советской власти.

Недоверие населения к белогвардейскому правительству выявилось и в массовых отказах принимать выпущенные по постановлению эсеро-меньшевистского «комитета спасения» местным банком особые боны (деньги). Их ценность на рынке была ничтожна. Население всячески уклонялось от их приема, т. к. было твердо убеждено в неизбежности быстрого падения правительства Дутова.

Эсеро-меньшевистская ширма Дутову помогала плохо. После Октябрьской революции меньшевики и эсеры стали «партиями восстановления капитализма и низвержения власти пролетариата». Они неизбежно «должны были потерять всякую почву и всякое влияние среди рабочих и трудовых слоев крестьянства» (Сталин).

Власть Дутова в Оренбурге держалась лишь на военной силе. Дисциплина же в казацких частях расшатывалась.

Авторитет казацких офицеров падал. Попытка казацкого начальства укрепить свое влияние в среде казаков раздачей им водки привела к грандиозному «алкогольному бунту» и пожару в Оренбурге. 150 человек перепившихся утонуло в спирту, 200 человек сгорело[1]. Подобный же разгром винного склада произошел в Верхнеуральске, где тоже было до 20 жертв»[2].

«Комитет спасения» вынужден был 8 января вторично объявить о введении военного положения в Оренбурге с прилегающими местностями, и на Ташкентской и Омской ж. д.[3]

Дутовцы всячески боролись с проникновением в массы правильной информации о советской власти, об Октябрьской революции, о большевиках. Про политику советской власти, про большевиков белогвардейцы распространяли невероятно фантастические клеветнические измышления.

Дутов пытался распространять самую фантастическую, провокационную ложь про большевиков, лишь бы удержать казаков в стане контрреволюции.

Антисемитизм стал излюбленным методом белогвардейской дутовской агитации.

Казаков дутовцы хотели напугать «зверствами» большевиков. Широко распространился слух, что большевики идут, чтобы отнять у казаков землю. Образчиком клеветы на большевиков может служить резолюция казаков «об упразднении казачьего сословия», принятая по докладу дутовца[4]. «Прикрываясь идеями социализма, они (т. е. большевики — С. П.) под предлогом стремления к равенству и братству хотят уничтожить сословие казаков, разорить их седую славную старину, предать поселки и станицы огню и мечу, а вольный казачий дух покорить германскому милитаризму», — писали в резолюции казаки, одураченные антисоветской агитацией офицерства.

---

[1] Вести из Оренбурга (беседа с тов. Кобозевым, чрезвычайным комиссаром Рабоче-крестьянского правительства).

[2] „Оренбург. казач. вестник“ № 13 от 22 декабря 1917 г.

[3] „Оренбургский край“ № 8 за 1918 г.

[4] Уралпартархив, папка № 71, т. 3.

«Большевики разлагали своей агитацией всех защитников»,— заявил Дутов на казацком съезде в Верхнеуральске уже после своего бегства из Оренбурга. И это заявление было верным — большевики в подполье вели свою работу не только среди рабочих и солдат, но и среди казаков. Еще до захвата Дутовым власти атаман 3-го военного округа Оренбургского казачьего войска издал приказ, в котором признавал наличие большевистской агитации в казачьих частях и приказывал арестовывать и привлекать к ответственности «по всем строгостям законов военного времени» агитаторов-большевиков. Но и эти приказы не могли приостановить большевистской деятельности.

Трудовым массам казачества делалось все понятней, что политика советской власти является политикой в интересах всех трудящихся. 12 (25) декабря 1917 г. за подписями Ленина и Подвойского Совнарком принимает обращение «Ко всему трудовому казачеству». В обращении заявляется, что СНК «ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах».

Совнарком отменил обязательную военную повинность казаков, заменив ее краткосрочным обучением, принял за счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призываемых на военную службу и т. д. Всем этим СНК показал трудящимся казакам, что советская власть свою политику проводит не только в интересах рабочих, солдат и крестьян, но и в интересах трудящихся казаков.

И казацкая станица все резче и резче раскалывалась. С одной стороны, в казачестве защитником власти Дутова рьяно выступало офицерство, духовенство, казацкое кулачье и казацкие урядники. С другой стороны, начинала прозревать казачья беднота и голытьба. Бедняки-казаки уклонялись от дутовских мобилизаций, бежали из частей,

брошенных на борьбу с большевиками, «бунтовали» против Дутова эти части.

Классовое положение трудящихся казаков с неизбежностью толкало их в лагерь советской власти. Так, казаки станицы Россыпной в своей резолюции-наказе требовали, чтобы «так называемые офицерские участки, как отнятые у трудового казачества произволом старого режима, должны быть возвращены в пользование казаков без выкупа, тем более, что душевой надел станицы доведен до минимума и земли нехватает для прокормления семьи»[1].

В этой резолюции ясно намечается раскол между трудовыми казаками и офицерством.

И дутовцам приходилось при проведении мобилизации казаков прибегать к насильственным мерам. Казаки станицы Каменно-Озерской, которые впоследствии, 11 марта 1918 г., с «извинением» просили советскую власть принять их «к советской работе на демократических началах», так объясняли свое участие в дутовских войсках:

«Товарищи-граждане, мы, трудовое казачество... находимся между двух огней, потому что не имеем оружия. Наши дела крайне плохи — кто придет вперед, тому и приходится подчиняться, что доказало и настоящее наступление, а именно, пришел сверху отряд, врасплох занял сразу почту и телеграф, станичное правление с должностными лицами, въезд и выезд был прекращен занятыми с их стороны караулами, в виду чего мы оказались на положении арестованных и, как пленные, шли с голыми руками»[2].

Насильственно мобилизованные Дутовым казаки не могли явиться прочной его опорой. Казачьи полки отказывались воевать против советских отрядов.

В первой половине декабря 1-й, 4-й и 13-й запасные казачьи полки, стоявшие в Оренбурге, отказались итти на фронт против красных отрядов и предъявили войсковому прави-

[1] „Казачья правда“ № 5 от 28 февраля 1918 г.

[2] Оренбург. отд. Ср.-Волжск. краев. архив. управл. (Проток. общ. собр. жителей Каменно-Озерск. станицы от 11 марта 1918 г.).

тельству ряд требований. Помимо требований экономического порядка, они настаивали на «упразднении белой гвардии», т. е. школы прапорщиков и казачьего военного училища, «которые несут военную службу по найму и за счет капиталистов», и требовали проведения в жизнь выборности командного состава.

Войсковому атаману Дутову и атаману 1-го округа Каргину казаки выразили недоверие и постановили образовать Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов [1].

Когда же к казакам на митинг явились представители войскового круга уговаривать их не бунтовать, то собрание поставило им такие вопросы: «против кого их ведут и кого они называют большевиками?»

В результате переговоров казаки 4-го полка решительно заявили, что «защищать буржуев они не пойдут». Дутов вынужден был разоружить и распустить полк.

Впоследствии, 28 января, на контрреволюционном казачьем съезде в Верхнеуральске Дутов жаловался, что, «вместо громадной армии в 3 полка и батарей шестиорудийного состава, собралось около 400 казаков при 4-х орудиях». (К концу его пребывания в Оренбурге).

Такое же положение было и в среде троицких казаков. Уже 10 декабря атаман 3-го округа Токарев телеграфировал Дутову, что «разлагающее влияние большевиков в 3 и 6 полках с каждым днем возрастает: казаки на занятия не ходят и митингуют. Командный состав парализуется» [2].

Не лучше для дутовцев было положение и в среде челябинских казаков. Челябинский уездный казачий округ 27 (14 января) по поводу приказа окружного атамана Половникова о мобилизации казаков постановил мобилизации не производить и потребовал «прекращения гражданской войны и отозвания боевых сил как с той, так и с другой стороны» [3].

---

[1] „Известия Челябин. воен.-рев. к-та" № 13 от 22 декабря 1917 г. и „Правда" № 7 (234) от 24 января 1918 г.

[2] „Известия Челяб. воен.-рев. к-та" № 13.

[3] „Известия Челяб. воен.-рев. к-та" № 30.

Казаки Ключевского поселка на своем собрании 28 января высказались за власть советов, за передачу земель народу, за организацию поселкового комитета. «Формировать казачьи дружины не желаем, гражданскую войну порицаем»,— заявило собрание.

Большевистское влияние проникло даже в юнкерскую среду. В оренбургской юнкерской пехотной школе 14 юнкеров отказались выступить против большевиков. Будучи арестованы, они бежали из-под ареста.

Дутову пришлось принимать драконовские меры, чтобы задержать это разложение своих войск и продолжать сопротивление красным, революционным отрядам. Все Оренбургское казачье войско было объявлено на военном положении. Были введены военно-полевые суды «для казаков-ослушников».

Одному из казачьих поселков, целиком голосовавшему при выборах в учредительное собрание за большевистский список № 8, кулацкая часть станицы ответила угрозой «исключить из казацкого сословия», лишить земли и «сослать в Шадринский уезд».

Но и эти драконовские меры не помогали. Дутову приходилось опираться лишь на кулацкую часть казачества, на матерых казаков-стариков, офицеров, юнкеров, кадетов и на «белую гвардию»—добровольцев из буржуазной среды. Эсеры и меньшевики с своей стороны выделили в помощь вооруженным силам Дутова «отряд С. Р. и С. Д...» Основная же масса трудового казачества постепенно, с трудом, с колебанием, но все же начинала уже отходить от поддержки белогвардейщины. Успехи действий красных отрядов должны были усилить, ускорить это разложение дутовских частей.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКИХ ОТРЯДОВ НА ОРЕНБУРГ

К моменту развертывания второго наступления на Оренбург в распоряжение тов. Кобозева прибыли значительные подкрепления.

Из Екатеринбурга был прислан отряд в 300 бойцов красногвардейцев, рабочих Верх-Исетского завода, под командованием старого большевика товарища П. Ермакова (бывшего организатора боевых дружин большевиков еще в 1905—1907 гг.).

Энергично формирующий красногвардейские силы в Челябинске тов. Блюхер имел возможность после успешного изгнания дутовцев из Троицка и укрепления положения в Челябинске двинуть на помощь отрядам тов. Кобозева целую группу отрядов.

По указанию тов. Блюхера из Челябинска в Бузулук был командирован отряд челябинской Красной гвардии (в нем преобладали рабочие-копейцы).

Общее руководство отрядом принадлежало бежавшему из оренбургской тюрьмы тов. Цвиллингу.

Одновременно с ним прибыл посланный пермскими большевиками отряд красногвардейцев-рабочих Мотовилихинского завода под командованием тов. Борчанинова.

Наконец, несколько позже, прибыл и «Северный летучий отряд» под командованием тов. Павлова в 600 человек питерских матросов и красногвардейцев. Этот отряд мог быть теперь переброшен тов. Блюхером под Оренбург, т. к. изгна-

ние дутовцев из Троицка укрепило там положение советов.

В Бузулук прибыл также отряд хорошо обученных и снаряженных красногвардейцев из Уфы.

Отряды вооруженных рабочих-красногвардейцев прибыли и с заводов Миньярского и Аша-Балашевского.

Силы красных войск возросли до трех с половиной тысяч человек. Командование всеми этими отрядами передается тов. Павлову [1]. Общее же политическое и оперативное руководство осуществляется правительственным комиссаром тов. Кобозевым.

7 (20) января утром красные части вновь переходят в наступление. Движутся они опять эшелонным порядком. Первым вышел вооруженный матросскими мортирными пушками броневой поезд с отрядом матросов и красногвардейцев. Вслед за ним двинулись вспомогательный технический поезд и все остальные части.

Пройдя верст 15 от станции Ново-Сергиевки, бронепоезд встречает части дутовских войск. Быстро завязывается бой. Ожесточенная ружейная и пулеметная перестрелка сопровождается артиллерийским обстрелом противника советским броневиком. Отряд отважных матросов обходит дутовскую заставу и, ударяя ей в тыл, заставляет ее быстро отступить. Белогвардейцы панически бегут, оставляя пленными 5 офицеров и много раненых, убитых. Станция Платовка занимается красными.

Присутствие в красных войсках матросов ошеломляюще действует на белогвардейские части. Не проходившие обучения пехотному строю, безумно храбрые матросы обычно шли в атаку не перебежками, пригнувшись к земле, как это делает пехота, а нормальным бегом во весь рост. Такое пренебрежение матросов к огню противника производило на казацко-белогвардейские части ошеломляющее впечатление. Матросской атаки дутовцы не выдерживали и быстро отступали.

---

[1] Бывший командующий Мосальский попытался организовать провокационное восстание против тов. Кобозева и был последним арестован и отправлен в распоряжение Казанского военного округа.

Дальнейшее наступление красных отрядов развертывается по направлению к станции Переволоцкой. Под разъездом 13-м белогвардейцами были на большом расстоянии тщательно взорваны железнодорожные пути и мосты.

Упорной работой железнодорожников путь был восстановлен. Красные войска получили возможность продолжать наступление.

С утра 8 (21) января развернулся упорный бой за обладание 13-м разъездом. Противник, занимая хорошие позиции, засев за полотном ж. д., идущей большими закруглениями, сильнейшим огнем сдерживал наступление красногвардейских отрядов. И лишь утром 9 (22) января белогвардейские войска, в результате сильного артиллерийского обстрела их позиций красными, дрогнули и вынуждены были отступить. Потери с обеих сторон были велики. Красные части потеряли убитыми 30 бойцов и 50 ранеными. Белогвардейцы же потеряли ранеными до 70 человек и более 60 замерзшими и убитыми.

Прибытие свежих подкреплений, в особенности матросского отряда, и смена негодного командования сразу же дают себя знать. Даже белогвардейцы вынуждены были отметить, что возросшие силы красных отрядов на этот раз более умело, упорно и решительно развертывают наступление.

В официальном отчете о бое под 13-м разъездом, искушенные в военном деле, белогвардейцы сообщали: «Противник ведет методическое правильно организованное наступление. Он хорошо снабжен всеми техническими средствами как боевыми, так и вспомогательными, что подтверждается последним обстрелом разъезда № 13, во время которого было выпущено 120 снарядов. Количественно противник сильнее, нежели был в первом наступлении, и имеет в своем составе матросов и 10 орудий. Количество пулеметов не установлено, но, судя по огню, довольно большое»[1].

Заняв 13-й разъезд, исправив взорванный ж.-д. путь и мосты, советские отряды перешли в дальнейшее наступ-

---

[1] Дутовская газета „Оренбургский край“ № 8 за 1918 г.

ление на разъезд № 14. Угром 23 (10) января по дутовским цепям был открыт бешеный огонь из четырех орудий под руководством тов. Ходакова. Противник сразу дрогнул, и, когда красногвардейские цепи пошли в атаку, дутовские части атаки не приняли и бежали по направлению к станции Сырт.

Однако дальнейшее наступление вновь замедлилось, т. к. казаками опять были взорваны ж.-д. пути. Железнодорожные рабочие вновь самоотверженно взялись за восстановление ж.-д. полотна и, несмотря на свирепствовавший жестокий мороз, быстро восстановили движение.

Под станцией Сырт с утра 25 (12) января развернулся главный, решающий бой с дутовцами, длившийся двое суток. К этому моменту красные отряды получили подкрепление: прибыл из Екатеринбурга красногвардейский отряд в 120 чел. злоказовских рабочих под командованием тов. Авдеева.

Дутовцы также принимали отчаянные меры к увеличению своих сил. Контрреволюционная часть стариков-казаков всякими угрозами и запугиваниями пыталась привлечь всю казацкую массу к борьбе с красными. Белогвардейцам удалось в ряде станиц провести решения — не давать землю тем казакам, которые не будут бороться в дутовских частях. Этим они сумели принудить и часть казацкой молодежи — демобилизованных фронтовиков, живших в станице, — примкнуть к дутовским отрядам. Станицы Донецкая и Татищевская выделили организованные подкрепления дутовским войскам — скомплектованные, вооруженные казацкие отряды. Не рассчитывая справиться с наступающими красными войсками своими силами, Дутов обращается за срочной помощью к уральским казакам. Как рассказывал 22(9) января председатель оренбургского «Комитета спасения родины и революции»... «комитет пригласил к себе делегата уральского казачьего войска, прося его принять меры в оказании помощи Оренбургу. Делегат признал необходимость помощи и обещал в своем войске добыть оренбуржцам братскую помощь»[1]. Однако реали-

---

[1] Газета „Оренбургский край" № 8 за 1918 г.

зовать свое обещание уральским казакам не удалось. Они, во-первых, не успели это сделать, а во-вторых, их силы уже были отвлечены на борьбу с саратовскими рабочими (Саратовский Совет Р. и С. Депутатов еще 14(1) января постановил присоединиться к борьбе с Дутовым, организовать добровольческую армию)[1].

Несмотря на полученные подкрепления в лице казаков-фронтовиков, белогвардейцы не смогли надолго задержать стремительное наступление красных войск. Дутовские отряды расположились на возвышенности, доминирующей над окружающей местностью, в хорошо вырытых окопах, обнесенных проволочными заграждениями. «Гремела артиллерия, трещали пулеметы, ревел, как зверь, буран и крепчал, не в силах сковать все это, здоровенный мороз», — вспоминает тов. Маурин[2]. Здесь Дутов хотел дать решительный бой советским войскам.

Наступление красногвардейских отрядов было затруднено сильнейшим степным бураном и суровым восточным морозом. Однако, преодолевая усталость от беспрерывного преследования противника, геройские красногвардейские части рано утром подошли к позициям противника и залегли в снегу. Лишь только временно затих буран и настала морозная, ясная и тихая погода, дутовцы, заметив цепи красных, открыли по ним сильный огонь. Казаки имели батарею четырехорудийного состава. Советские отряды стали энергично отвечать. Были пущены в ход имевшиеся 5 орудий и матросские мортирные пушки. Артиллерийский огонь направлялся по укрепленным главным позициям белогвардейцев. Однако сбить противника, заставить его отступить в этот день все же не удалось.

Вечером красногвардейскому отряду злоказовских рабочих было дано боевое задание: совместно с артиллерийским взводом, ночью, сняв с передков 3 пушки, на руках перенести их на правый фланг противника, чтобы почти с

---

1 „Правда“ № 17 (244) от 5 февр. (23 янв.) 1918 г., стр. 4.

2 „Красногвардейцы и красные партизаны“, Огиз „Молодая гвардия“, стр. 146.

тыла атаковать дутовцев. Эта боевая задача красногвардейцами была выполнена геройски.

Несмотря на мороз, глубокий снег и обстрел со стороны противника, красногвардейцы волоком протащили орудия 7—8 верст и установили их на намеченные позиции к утру. С рассветом орудия стали бить по позициям врага.

Белогвардейцы не ожидали этого обходного маневра. Нельзя было предполагать, что при наличии сильнейшего мороза и рыхлого снега красногвардейцы сумеют обойти расположение дутовских цепей. Застигнутые врасплох таким ударом с фланга, они не выдержали и, бросая в панике укрепленные позиции, бросились к эшелонам. Красногвардейские же части опять оказались не подготовленными к охвату дутовцев железным кольцом.

Здесь опять, как и раньше, сказывалось отсутствие кавалерии в красногвардейских отрядах. Красногвардейские части могли успешно разбивать противника. Но также успешно добивать и окончательно уничтожить его они еще не могли. Белогвардейцы, казаки имели по сравнению с красногвардейцами несравнимое преимущество: они выступали или верхами, на лошадях, или же рассыпались цепями недалеко от стоящих наготове поездов и имели возможность всегда быстро взобраться обратно в вагоны.

Красногвардейцам же приходилось за отсутствием кавалерии бросаться в атаки пешком. И лишь по восстановлении заблаговременно разрушенных белогвардейцами железнодорожных путей красногвардейские отряды спешили на поездах нагнать отступивших белых.

В результате, и после боя под станцией Сырт, главные силы белогвардейцев быстро сумели ускользнуть на поездах. За ними ускакали и отставшие казаки.

Отступление белогвардейцев было паническим. В руки красногвардейцев попалось не только несколько десятков пленных (в том числе трое навзрыд плачущих мальчишек-кадет), но и оружие, патроны, два паровоза, вагоны и т. д. Много раненых белогвардейцев (не говоря уже об убитых) дутовцами было брошено на поле битвы.

Тов. Кобозев телеграфировал: «12 января после жестокого 3-дневного боя взяты укрепленные позиции казачества у станции Сырт. Станция занята нами. Все войска Дутова разбиты наголову»[1].

Одновременно с разгромом главных сил дутовцев была разгромлена и станица Донецкая — это контрреволюционное гнездо, так вероломно поступившая с советскими войсками. После обстрела ее артиллерийским огнем, станица выразила полную покорность, признание власти советов и прислала полномочную делегацию. Красногвардейцам пришлось разоружить казаков станицы, отобрав у них 330 винтовок и взять 5 заложников-кулаков.

Передохнув несколько часов, красные части пошли в наступление на ст. Каргалу. Вновь с большими трудностями пришлось восстанавливать в 20 местах ж.-д. путь и расчищать занесенную снегом линию. «Подвиги наших рабочих, под руководством тов. Федотычева, по ремонту пути, при пронизывающем горном снежном урагане, выше всяких человеческих сил — полтора суток без пищи и питья шла непрерывная, адски-трудная работа», — телеграфировал тов. Кобозев[2].

15-й разъезд красными частями был взят без боя. При занятии же 28 (15) января 16-го разъезда белогвардейцы пытались сопротивляться. Но короткий артиллерийский обстрел их расположений заставил их быстро отступить. Отступая, они не успели увести с собой вспомогательный поезд. В поезде было обнаружено много взрывчатых материалов для взрыва пути, большое количество разрывных пуль со стеклянными наконечниками и 6 баллонов удушливых газов. К счастью, ни газы ни разрывные пули со стеклянными наконечниками, производящие особенно мучительные разрушения в человеческом организме, не были использованы белогвардейцами, обратившимися в стремительное бегство. Как сообщал тов. Кобозев, «в выборе зверских средств борьбы наш противник не гнушался»[3]. С особенно дикой

---

1 Уралпартархив, д. № 17, т. III, стр. 208.
2 Телеграмма тов. Кобозева от 15 января 1918 г.
3 Телеграмма тов. Кобовева от 15 января 1918 г.

жестокостью противник относился к пленным красногвардейцам. Два попавших в плен красногвардейца были зверски замучены: «у одного пятки были разбиты до костей, у другого вырезали живот и выматывали кишки»[1].

Попавший в плен к дутовцам председатель Троицкого уездного земельного комитета тов. Голощапов рассказывал про свое пребывание в плену:

«...когда меня ввели во двор станицы, я увидел массу человеческих трупов и следующие, потрясающие душу зрелища: били какого-то солдата чем попало, добили до смерти и бросили в кучу трупов; затем принялись истязать мальчика, ломали ему руки и ноги и, наконец, сбили череп, и бросили в ту же кучу трупов... Избиение солдата и мальчика так подействовало на меня, что я лишился сознания и уже не помню с этого момента, что было. Меня начали бить, но кто и чем не помню. Придя в сознание, я увидел, что нахожусь в виденной мною раньше куче трупов, без верхней одежды, в одном нательном белье, босиком... Настолько сильны были физические страдания организма, что я уже после заметил, что на пятках моих ног вырезана кожа с мясом. Всех мучений я не в силах передать словами»[2].

Последний крупный бой с дутовцами за обладание Оренбургом произошел под станцией Каргала. Железнодорожный путь от 16-го разъезда до ст. Каргала был белогвардейцами тщательно разрушен. Во многих местах были взорваны или изогнуты рельсы, разрушено было два моста, сброшены на насыпь паровоз и тендер.

Белогвардейские части, хотя и были уже сильно потрепаны и надломлены непрерывными поражениями, однако, сделали еще последнюю попытку к упорному сопротивлению. С утра 29 (16) января под станцией Каргала завязалась ожесточенная перестрелка.

Во время этого боя главных сил за обладание станцией смешанный отряд пермских и иващенских красногвар-

---

[1] Телеграмма тов. Кобозева.
[2] Газета „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 6 от 19 февраля 1918 г.

дейцев сделал налет в тыл противника — в деревню Павловку. Здесь неожиданно красные войска получили энергичную поддержку со стороны местных крестьян-переселенцев. Несколько сот крестьян-бедняков, на своих плечах испытавших тяжесть кулацко-казацкой эксплоатации, добровольно влились в Красную гвардию и помогли очистить деревню от засевших в ней белогвардейцев. С их помощью красногвардейцы не только быстро выбили дутовцев из деревни Павловки, но и захватили пленных, среди которых оказалось 7 офицеров с лошадьми.

Этот удачный удар в тыл привел к быстрому замешательству главные силы дутовцев, и они стали отступать, стараясь сделать в то же время все возможное, чтобы задержать дальнейшее наступление красных войск. Казаки сожгли на станции Каргала водонапорную башню и рабочую казарму, испортили водокачку, пытались сжечь пакгауз и нефтекачку, разрушили и подожгли мост и в отверстие этого моста бросили паровоз.

К вечеру 29(16) января станция Каргала была занята передовыми частями красных. Дальнейшее продвижение красногвардейцев к Оренбургу уже не представило значительных трудностей. Разгромленные дутовцы вели лишь оборонительные действия. Они пытались разрушением путей и выставлением небольших войсковых заслонов как можно дольше задержать наступление красных частей, с тем, чтобы дать возможность главным своим силам эвакуироваться из Оренбурга. Участь красного Оренбурга, временно ставшего дутовской столицей, уже была предрешена.

Быстрому наступлению красных войск мешали не только разрушения путей казаками, но и жестокие бураны и морозы. Подавляющее большинство красногвардейцев было плохо обмундировано. Они жестоко страдали от морозов и часто принимали участие в боевых действиях с отмороженными лицами, руками, ногами. Сам командующий войсками тов. Павлов во время руководства боями отморозил руки.

«Из-за сильных морозов посты полевого охранения и секретов приходилось менять почти каждые час-два»,— пишет тов. Авдеев.

Питание красногвардейцев в условиях беспрерывных боевых действий не могло быть поставлено нормально. Горячей пищи они почти не видели, питались консервами и хлебом. Хлеб же обычно привозился на позиции в вагонах и в связи с стоящими морозами промерзал. Его приходилось рубить.

Но воодушевленные беззаветной преданностью делу революции рабочие-красногвардейцы, несмотря на эти лишения, сохраняли бодрость духа. С исключительной смелостью они бросались в бой, проявляя чудеса храбрости. Наоборот, часто «юнкера и прапорщики разбегались от первого выстрела», как впоследствии свидетельствовал сам Дутов[1].

Вечером 30 (17) января передовыми революционными отрядами был взят 17-й разъезд. Противник, будучи подвергнут меткому артиллерийскому обстрелу, не успел произвести серьезных повреждений ж.-д. линии и бежал. Утром 31 (18) января без боя был занят 18-й разъезд. Здесь к красному командованию явилась казачья делегация из поселка Берды с «хлебом и солью». Делегация просила, чтобы их, казаков, не рассматривали как врагов, так как, по словам делегатов, казаки в боях никакого участия не принимали, а наоборот, взяли под свою охрану в целях предупреждения от повреждений сакмарский мост. Так от Дутова отходили все большие и большие слои казаков.

С занятием 18-го разъезда перед красными отрядами открылся свободный подступ к Оренбургу. Противник уже не был в состоянии оказывать какое-либо сопротивление.

---

1 „Казачья правда“ № 20 от 2 (15) марта 1918 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ОРЕНБУРГ СО СТОРОНЫ ТАШКЕНТА

Одновременно с наступлением на Оренбург со стороны Самары было развернуто наступление со стороны Ташкента. Благодаря дутовской авантюре Оренбург стал своеобразной «пробкой» на Ташкентской ж. д. Никакие грузы через Оренбург не шли, подвоз хлеба в Туркестан и прилегающие к нему местности совершенно прекратился. Хлебных запасов в Туркестане не было, поэтому сразу же стал чувствоваться голод. В Ташкенте, на рынке, стоимость пуда муки возросла до 150 рублей.

Немедленно по получении извещений о контрреволюционном выступлении Дутова рабочие с южной части Ташкентской ж. д. решают организовать красногвардейские отряды. С энтузиазмом железнодорожники откликаются на призыв притти на помощь своим братьям по классу — оренбургским рабочим, очутившимся в плену у Дутова. Всюду по линии — на станциях Перовск, Казалинск, Челкары, Актюбинск и др. — рабочие с лихорадочной поспешностью стали вооружаться [1].

В Ташкент была послана делегация за оружием. По станциям были выставлены вооруженные заслоны для задержания наступления дутовцев.

В первых числах января на станции Актюбинск состоялся делегатский съезд железнодорожников всех крупнейших станций, прилегающих к Оренбургу (с юга). На собрании

[1] Газета „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 23 от 16 января 1918 г., стр. 2.

был произведен подсчет имеющихся вооруженных красногвардейских сил. Было решено начать активное наступление против дутовцев — перейти в наступление на Оренбург.

Вскоре из Ташкента вернулись посланные туда делегаты. Они привезли не только вооружение, в частности орудия — артиллерию, но и подкрепления бойцами. Прибыл красногвардейский отряд рабочих и солдат[1].

Имевшиеся на месте красногвардейские силы были слиты с прибывшими красногвардейцами в единый «железнодорожный объединенный отряд», который и выступил против Дутова. Дойдя до станции Ак-Булак, отряд вступил в соприкосновение с казацкими дутовскими частями. Казаки, не имея артиллерии, не принимали решительного боя. Красногвардейцы же также не решались перейти в дальнейшее наступление, так как их малочисленный отряд, при вторжении во враждебную казацкую территорию, рисковал быть полностью уничтоженным. В результате борьба с казацкими отрядами на этом ташкентском фронте дальше отдельных стычек не развернулась. Один из участников ташкентского наступления пишет в своих воспоминаниях: «Изредка покажется колонна казаков, которую мы сразу обращаем в бегство, ибо орудий у последней в это время не было».

Дальше станции Ак-Булак, вплоть до момента взятия Оренбурга красными отрядами, «железнодорожный объединенный отряд» не мог пойти. Силы отряда не были достаточными для перехода в развернутое наступление. Казаки, в свою очередь, несколько раз пробовали наступать. Но каждый раз они оказывались отброшенными геройским сопротивлением красногвардейцев, встречавших их ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем.

Несмотря на эту неудачу в своих попытках перейти в наступление на Ташкент, белогвардейцы хвастливо сообщали: «так как на этом (т. е. ташкентском — С. Ц.) фронте много небоевого элемента, то он пока не является опасным»[2].

---

[1] „Воспоминания участников Октября и гражданской войны 1917 — 1921 гг.," Ташкент, стр. 39.

[2] Газета „Оренбургский край" № 3 от 11 января 1918 г., стр. 2.

Значение и заслуга боевых действий красногвардейцев «железнодорожного объединенного отряда» заключалась в том, что они отвлекали часть сил Дутова на ташкентский фронт. Они не давали возможности белогвардейцам распространить свое влияние дальше Илецка и тем самым способствовали успешности развертывания действий красногвардейских отрядов, наступающих со стороны Бузулука.

Братская помощь ташкентских рабочих пролетарскому Оренбургу демонстрировала солидарность рабочего класса, его повсеместную ненависть к белогвардейско-казачьей контрреволюции.

ВОССТАНИЕ ОРЕНБУРГСКИХ РАБОЧИХ И ВЗЯТИЕ ОРЕНБУРГА

Между тем, под руководством большевиков бывшие в белогвардейском плену оренбургские рабочие лихорадочно готовили восстание против Дутова. Они хотели ударом в тыл дутовским войскам помочь наступающим красным частям освободить город от белогвардейцев. Имея широкие связи в среде железнодорожников, оренбургские большевики через машиниста тов. Коровниченко, ездившего в то время с поездами, сумели получить около двухсот винтовок, соответствующее количество патронов и даже пулеметов[1]. Оружие было тотчас же распределено между рабочими. Силы подпольной Красной гвардии сразу возросли настолько, что с ними уже можно было приступить к восстанию. Слухи о полученном красногвардейцами оружии всполошили весь город. Обыватель заговорил о подготовке восстания.

Тревожное положение, создавшееся в Оренбурге, побудило белогвардейцев принимать самые отчаянные меры по восстановлению «порядка».

Приказом № 5 от 16 января 1918 г. дутовский комиссар по охране города Оренбурга Кочергин объявил мобилизацию домовладельцев Оренбурга от 18 до 55 лет для формирования охранных дружин[2].

Однако и такая поголовная мобилизация оренбургской буржуазии реальной силы дутовцам не дала. Подпольная ра-

[1] Воспоминания активного участника восстания тов. Саликова.

[2] Газета „Новости дня“ от 7 января 1918 г.

бота Оренбургского комитета большевиков продолжала расширяться, и влияние большевиков в рабочих массах росло.

Подпольщики, красногвардейцы вели тщательную разведку за всеми действиями дутовцев и великолепно знали расположение белогвардейских боевых частей, их состав, вооружение. Красногвардейцы несколько раз пытались взорвать ж.-д. полотно при продвижении белогвардейских эшелонов под Оренбургом. Однако, вследствие тщательной охраны дутовцами путей, организация крушений не удавалась.

Наступление красногвардейских отрядов на Оренбург явилось удобным моментом к восстанию в городе. В момент боя под 17-м разъездом, вечером 30 (17) января, вооруженные рабочие во главе с большевиками, дружно выступив в числе 200 человек, повели наступление на станцию Оренбург. Станция в это время была забита эвакуировавшимися белогвардейцами, их семьями, буржуазией, бежавшей от грозного для них наступления красных.

Появление у вокзала цепи наступающих вооруженных рабочих вызвало страшный переполох, панику в среде белогвардейщины.

Толпа белогвардейцев лавиной бросилась к дверям и окнам вокзала и быстро очистила станцию. Пришедшие рабочие, не встретив никакого сопротивления, беспрепятственно заняли вокзал.

Тотчас же был сформирован поезд, и оренбургские восставшие красногвардейцы тронулись встречать наступающие красные войска.

Эту встречу тов. Андреев описывает так: «Доходим до 18 разъезда — белых нет. Однако, со стороны Оренбурга движение поезда в нашу сторону. Решаем, что это броневик; высылаем по обеим сторонам железнодорожного полотна цепи. Нашим глазам представилась следующая картина:

Идет поезд в составе 8—10 товарных вагонов, паровоз сзади, вагоны впереди. Подходя к разъезду, поезд замедлил ход. С тендера паровоза раздаются крики: «ура»! «Да здравствует Красная гвардия!» Вылезать открыто опасно,

может быть это провокация; некоторые из наших все же отвечают «ура» и с винтовками наперевес выскакивают из засады.

Здесь поднимаются и все остальные и мы бежим к паровозу. Со стороны прибывших не слышно ни одного выстрела, наоборот — раздаются приветствия. Оказалось, что это оренбургские железнодорожные рабочие приехали встречать нас после того, как Дутов бежал из Оренбурга. Мы быстро вскарабкались в товарные вагоны, наполовину загруженные товаром, и понеслись в Оренбург»[1].

Бегство белых войск было настолько поспешным и беспорядочным, что они побросали в Оренбурге массу ценного военного снаряжения. Тов. Маурин сообщает: «При взятии Оренбурга мой ударный отряд забрал много ценного военного имущества — сапоги, шинели, 500 комплектов артиллерийского и кавалерийского снаряжения, вагон с пулеметами и 250 лошадей»[2].

Но, несмотря на панику в среде белогвардейцев и на одновременное с наступлением красных частей восстание оренбургских рабочих, самого Дутова, его штаба и юнкерско-офицерских частей красным войскам захватить не удалось. Казаки, мобилизованные Дутовым, рассыпались на лошадях по своим станицам.

Костяк дутовской армии — офицерско-юнкерские части, разбившись на два отряда, отступили: одна часть на Орск, другая с Дутовым и его штабом во главе — в г. Верхнеуральск с тем, чтобы перейти к партизанской войне. Красные войска не смогли успешно преследовать, добить и захватить в плен главных дутовских сил. Не имея достаточного количества кавалерии, красные отряды оказывались беспомощными всякий раз, когда приходилось преследовать противника по полю, а не по линии жел. дороги.

Утром 31 (18) января в Оренбург входят главные силы красных войск. Рабочие восторженно встречают красногвардейцев.

[1] Андреев, Из истории борьбы за Советы, „Пролетарская революция“ № 9 за 1920 г.

[2] „Красногвардейцы и красные партизаны“, стр. 147.

Тотчас же заработал телефон, передавая радостную для каждого трудящегося телеграмму:

«Контрреволюция в гор. Оренбурге и губернии, возглавляемая Дутовым, поражена. Противник в панике бежал после боя под 17-м разъездом. Оренбург занят революционными войсками. Нами принимаются все меры к ликвидации контрреволюционного восстания» [1].

Красный советский флаг вновь взвивается над Оренбургом. Восстанавливается деятельность совета. Организуется военно-революционный комитет. В состав комитета входят тов. Кобозев, избранный губернским комиссаром тов. Цвиллинг, тт. Коростелев, Кичигин, Мартынов, Попов [2].

В первом же своем воззвании комитет поздравляет оренбургских рабочих с победой:

«Товарищи рабочие, волей оренбургского пролетариата, мужественно бастовавшего два с половиной месяца, и революционных добровольческих отрядов сломлена власть дутовской шайки, которая вместе с правыми социалистами-революционерами и меньшевиками защищала интересы кучки паразитов, сидящих на народном теле...» [3]

Дутов защищал интересы именно «кучки паразитов». Он не пользовался поддержкой масс. Его опорой была белогвардейская буржуазная и казацко-кулацкая свора. Уже в первые три дня по восстановлении власти советов в Оренбурге в военно-революционный комитет явились от нескольких десятков станиц делегации трудового казачества, которые заявили, что они приветствуют новую, народную власть и против нее не выступали и не выступят. Трудовое казачество отмежевывалось от кулацких контрреволюционных групп, шедших за офицерством. Казаки-бедняки были не за белогвардейщину, не за Дутова, а за советскую власть, за большевиков.

Так кончился первый период дутовщины. Это был период «красногвардейской атаки на капитал», период, когда Ду-

---

[1] „Известия Челяб. воен.-рев. к-та“ № 32 от 20/I 1918 г., стр. 21.
[2] „Известия Тургайского област. исп. к-та“ от 2 марта (17 февр.) 1917 г.
[3] „Известия Оренбургского воен.-рев. к-та“ № 1 от 23/I 1918 г.

тов еще не мог опираться на непосредственную поддержку вооруженной интервенции со стороны международной буржуазии.

Причины быстрого разгрома дутовских войск под Оренбургом таковы же, как и причины разгрома атамана Богаевского на Дону. Если Богаевский, как говорил В. И. Ленин, вынужден был признать, что «наше дело проиграно, потому что за большевиков громадное большинство населения даже у нас»[1], то это же самое должен был сказать и Дутов.

В своем докладе на контрреволюционном казачьем съезде в Верхнеуральске (в феврале 1918 г.) Дутов жаловался, что «казаки ему не помогли», что «большевики разлагали своей агитацией всех защитников», что «раскол казаков подействовал на настроение офицеров и юнкеров», что в результате этого раскола казаков «началась утечка, даже караул у знамени был брошен»[2]. И Дутов вынужден был на этом съезде заявить: «Я отказываюсь от всех своих должностей».

Поражение Дутова явилось следствием отсутствия достаточно мощных внутренних белогвардейских сил в России, способных обеспечить победу буржуазно-помещичьей контрреволюции.

«Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»[3].

Так же, как и на Дону, в Оренбургском казачьем войске тотчас же после революции резко выявился раскол в среде

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 95.
[2] „Казачья правда“ № 20 от 2 (15) марта 1918 г.
[3] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 390.

казачества. Трудовое казачество не желало поддерживать контрреволюционное выступление атамана Дутова. Кулацко-казацкое офицерство, юнкерские белогвардейские отряды с их союзниками — меньшевиками и эсерами, не получив поддержки широких слоев казачества, не были в состоянии выдерживать стремительный самоотверженный натиск красных войск.

Красногвардейские рабочие отряды, делавшие «благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров»[1], были объединены единой волей, единой мыслью. Они ясно знали, за что они борются, и с энтузиазмом бросались в бой. «Красногвардейцы, с которыми я вел наступление, дрались горячо», — доносил тов. Кобозев Совнаркому по взятии Оренбурга. Об этом говорил и тов. Цвиллинг, заявляя, что революционный отряд «проявил чудеса храбрости».

«Великий коллектив передовых рабочих нашей страны — большевистская партия — явилась организатором наших побед» (Сталин).

Под руководством большевиков строились те красногвардейские отряды рабочих, матросов и солдат Питера, Урала, Самары, Ташкента, Сибири и Оренбурга, которые разбили Дутова. Вожди партии Ленин и Сталин непосредственно руководили разгромом дутовщины. Под руководством назначенных Совнаркомом большевиков тт. Блюхера, Цвиллинга и Кобозева развертывались боевые операции. Под руководством подпольной большевистской организации оренбургские рабочие своей упорной героической стачкой и восстанием рабочих Оренбурга помогли наступающим красным отрядам победить.

Так кончился первый этап борьбы с Дутовым.

Этот этап Лениным был характеризован как «победное триумфальное шествие революции», как «красногвардейская атака на капитал».

«В этой гражданской войне, — говорит Ленин в своем отчетном докладе на 7-м съезде партии, — подавляющее боль-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 445.

шинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

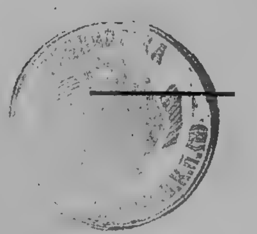
Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги «вся власть Советам», практически проверенные массами долгим историческим опытом, стали их плотью и кровью.

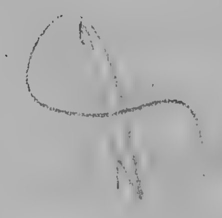
Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 7 ноября (25 октября) 1917 года»[1].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 314—315.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор **П. Р. Ибшман.** Тех. ред.-корректор **Н. П. Греков.**

Сдано в набор 27/VI 1936 г. Подписано к печати 17/VII 1937 г. Огиз № 112. Челябобллит № 100. Индекс П-1-б. Формат бумаги 60×92 1/20. Бумажных листов 3,5. Печатных листов 7. Учетно-авторских л. 6,5. Тираж 5000 экз. Цена 1 р. 05 к. Переплет 75 коп.

Отпечатано г. Свердловск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига“ Банковский пер. № 3. Заказ № 926.

1 р. 80 к.